

СМЕНА

на 15 коп.

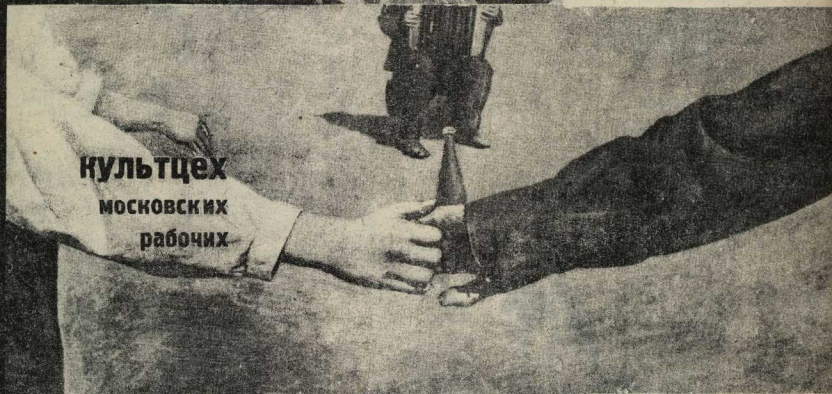
17
1931

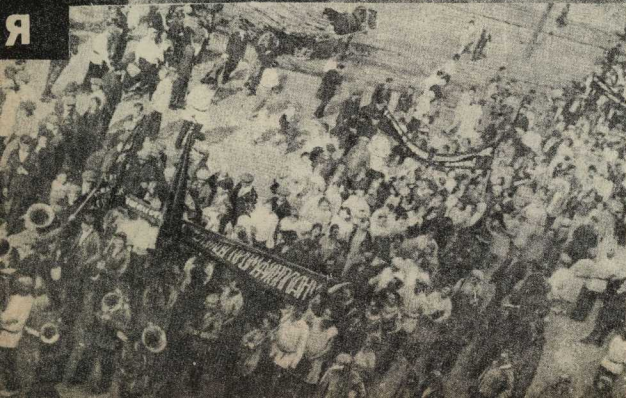
Через мост идет первая рабочая колонна. Медные трубы раут воздух. Над тысячами демонстрантов повисли лозунги плакатов. «Мы за Бобряч», вырвалась из общей массы, кричат плакат хвильков. Над колонной фабрики «Особонденный труд» дымя в воздухе: зеленый паровоз. По его боку четким рядом легли буквы: «Мы доставили в Москву 8 эшелонов хлопка» Фабрика послала в хлопковые районы встречную бригаду, бригада расначала местных работников и транспорт, и шлоном в Москву пришел досрочно.

демонстрация рабочих москвы на открытие пар
культуры и отдыха

культура
московских
рабочих

фото а. радчен

Навстречу колоннам месили приветствия агитбригад. Колонны ловили их громким, звенящим «ура». Из ворот потоки раскопался змеями по бесчисленным дорожкам и площадкам парка. Площадки наполнились своеобразной жизнью наших массовых праздников. В день открытия парки демонстрировал свое умение организовывать людей, приходящих сюда, чтобы провести свой досуг. Парки культуры и отдыха открыли летний сезон.

смена

17

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

ОРГАН ЦК и МН ВЛКСМ
ответственный редактор С. КЭМРАД
оформлено номера В. СТЕПАНОВОЙ
адрес редакции: Москва, центр,
большая Чернышевский, б. т. 5-67-03

**МЫ
УБИТЬ НЕ ПОВОЛИМ**

исполком КИМ призывает

**пролетарскую молодежь всех цветов кожи
яростно бороться за немедленное и безусловное
освобождение девяти негрятянских товарищей**

ко всей рабочей молодежи

читай на стр. 4—6

В штате Алабама 9 молодых негрятянских рабочих осуждают смертной казнью. Злейшее преступление должно совершиться 10 июля. Трех из неминуемо осужденных по 14 лет, остальные молодые 20 лет. Уже после вынесения приговора эти 3 юноши арестовано еще 5 негрятянских рабочих на юге САСШ, которым также грозит казнь на электрическом стуле по столь же вымышленному обвинению.

Ущербные случаи линчевания негров в Америке являются одним из видов террора, направленного против всех слоев рабочих: против туземных и иностранных рабочих, против революционно настроенных белых и негров. Террор с своей силой направлен против негрятянских рабочих, которые все теснее объединяются с белыми рабочими. Капиталисты авантаются за террор, стремясь удариать свое господство над негрятянскими трудящимися Южных штатов Америки, где негры составляют подавляющее большинство населения и работают по-старому в рабочих полуфеодалских условиях.

Компартия и КСМ начали широкую кампанию в защиту молодых негров. МОПР предоставил им закончившие и развернул широкое движение единого фронта, выдвинул требование немедленного их освобождения. Тысячи негрятянских рабочих приняли и движению протеста, несмотря на угрозы белых капиталистов и все отчаянные попытки негрятянских реформистов.

Только международный протест рабочих может предупредить это аварское массовое убийство. Рабочие всего мира, вспомните судьбу Саню и Ванцетти! Предупредите линчевание в негрятянских рабочих в Америке! Демонстрируйте против растущего террора в САСШ! Негрятянская молодежь Африки, Латинской Америки и САСШ сорвет против растущего наступления буржуазии и ее реформистских агентов на негрятянскую молодежь!

Требуйте освобождения осужденных негров американской буржуазии немедленно и без всяких предварительных условий!

ИСПОЛКОМ КИМ

В Скоттсборо собираются

а. гревс

10 июля этого года в городке Скоттсборо (Северо-американские свободные штаты) восемь молодых негритянских рабочих дождались сест на электрический стул. Девятый негр — товарищ осужденных — приговорен к пожизненной каторге. В зале суда, где решалась судьба девяти негритянских товарищей, при чтении приговора раздались бешеные аплодисменты. Чьи права защищает Скоттсборо? Чей казна претвует Скоттсборо?

Кампания за освобождение 9 молодых негров разрастается. Коммунистическая пресса и адвокаты МОПРА требуют перенесения слушания дела из мясчанского фашистского Скоттсборо в другой город. Но от губернатора ответа пока не получено. Только единодушный мощный протест широких пролетарских масс сможет вырвать у ирровых собак америнанского напигала их жертвы.

Семнадцатилетний негр Хейвуд Паттерсон, врозился на берегу реки Теннесси, встретил своих приятелей — братьев Энди и Роя Райт. Энди было семнадцать лет, как и Хейвуду, а Рой — всего четырнадцать.

— Ты слышал, Хейвуд, — сказал Энди, — говорят, в Мемфисе можно найти работу. Старый Джек приходит к матери и сказал, что на фабриках Луизианы набирают людей.

— Ну, — встрепенулся Хейвуд, — подем!

— Подем, — решили Энди и Рой.

Все трое жили в негритянском квартале, лежащем в западной части города Чаттануга, на берегу Теннесси. Отец Паттерсона работал три дня в неделю на местном сталелитейном заводе, зарабатывая всего 7 долларов в неделю. Кроме Хейвуда, в семье было еще трое, и жить с каждым днем становилось все тяжелее. Семья буквально голодала, так как одна арендная плата отнимала больше половины заработка. Положение Энди и Роя было не лучше. Они у них не было и оба жили на средства матери, ходившей стирать белье по квартирам богатых белых людей. Эти богатые белые люди платили ей так мало, что, работая день и ночь, она приносила домой не больше 6 долларов в неделю.

Мальчишки работали с десяти лет. Энди с Хейвудом разгружали вагоны на железной дороге, а Рой торговал газетами. Но в последние месяцы они дичились и этой работы. Сашком много было белых, претендовавших на их жалкий заработок.

Неудивительно, что идея ехать в Мемфис 1, на текстильную фабрику, где будто бы набирали рабочих, пришла всем по вкусу: Энди и Рой договорились с Чарли Уинсом и Карлене Норрисом. А Хейвуд пригласил Вильяма и Робертсона. Когда друзья собрались ехать, к ним присоединились еще двое парней: Оза Пууэлл и Монгомери. Всего, таким образом, набралось девять человек.

Самому старшему из них едва исполнилось 20 лет.

Все девять решили ехать займами в одном из ежедневных идущих из запада товарных поездов. Погода стояла жаркая, хотя было еще начало апреля. Контроль на линии был слабый, а вскопичить в вагоны не представляло никаких трудностей, так как за городом дорога круто подымалась в гору.

Но в товарном вагоне, куда они вскопичили, их ждала неприятность. Вагон был занят. В одном из углов, развалившись на

1 Город в штате Теннесси (Сев. Америка).

сене, играли в карты семь парней и две женщины. Парни были безработными, ехавшими в Мемфис, как и негры. Женщины — известными всей Чаттануге проститутками. Когда-то они работали на местной текстильной фабрике, но были уволены оттуда за пьянство. Звали их Раби Бейтс и Виктория Прайс.

— Куда вы лезете, черные морды! — закричали они, увидев негров, — этот вагон слишком хорош для вас. Вон отсюда!

— Но здесь хватит места для всех! — миролюбиво ответил Энди Райт, устранившись в противоположном углу, мы вам не помешаем.

— Вон отсюда, слышите! — вопили Виктория и Раби. — Мы не желаем ехать в одном вагоне со свиньями.

Парни и негры в карты, поднялись. Они были такни же бедняками, как и негры. Они также ехали искать работы. Но они были белыми. Расовая ненависть, разжигаемая хозяевами, попами, прессой, крепко сидела в умах этих отсталых рабочих Юга.

— Вон отсюда, собаки! — сказал один из них, подходя к неграм. — Прикажете обратно. Вагны не для вас!

— Мы никуда не уйдем, — заявили возмущенные негры. Парни угрожающе двинулись на них с кулаками.

— Бей их! — завизжали проститутки.

Началась драка. Парни отчаянно атаковали забившихся в угол негров. Но те, привалившие с детства гаскети на железной дороге, оказались сильнее. После короткой борьбы вагон остался за ними.

— Не трогайте нас, мы сойдем на ближайшей станции, — сказали изменившимся голосом женщины.

— Да мы и не думаем вас трогать! — сказал Паттерсон. — Вагон большой, всем места хватит.

Ближайшей станцией был городок Скоттсборо, находящийся в штате Алабама. Ребята отправились на поиски работы. Целый день они провели на пристани, ища работы по разгрузке речных судов. К вечеру собрались все вместе на берегу.

В этот момент они увидели приближающегося к ним шерифа в сопровождении полицейских.

— Взять их! — приказал шериф.

— За что? — удивились негры, — мы же не сделали ничего дурного.

— Молчать! — приказал им. Их окулаживала значительная толпа народа.

— На сук их! Чего церемониться! — кричали в толпе. Негров, под конвоем свирепо оглядывающих их полицейских, с трудом провели сквозь толпу. В тюрьме они узнали, что их

обвинили в изнасиловании ехавших с ними женщин. Напрасно они оправдывались, доказывая, что пальцем не тронули женщин. Их просто не слушали.

Толпа ревела и выла, требуя суда Линча. Полицейские избивали негров прикладами. В тюрьме их посадили в вонючую грязную камеру.

Специально для вас приготовили! — ухмыльнулся тюремный сторож, толкая их на гинду, повинуя черной соломой.

Американское правосудие обильно гуды, требуя жертв. Честь белой женщины оскорблена!

Спокойствие и справедливость в штате требуют суда Линча!

С таким заголовком вышел вечерний выпуск газет. Конвейер подлости и ненависти заработал с автоматической точностью.

Прежде всего были извращены показания доктора. Доктор, осмотрев обеих женщин, не нашел никаких следов изнасилования.

Газеты же писали:

«Даже белый смотр двух несчастных жертв дал возможность сразу установить, что дикое подделательство длилось несколько часов. Бедные девушки чуть не умерли от этой чудовищной пытки.

Передача в ку-клукс-клановской газете «Часовой Джексонского графства» задыхалась от бешенства:

«Неужели человечество будет терпеть существование на земле таких извергов, как эти девять? Под одеждой, которую испокон веков носил человек, никогда еще не скрывались души, равные этим. В средние века человечество было мудрее. Оно сажало на крестах подобные отребья обществу. Оно ломало им мерзкие тела на дыбах, оно кормило их мясом собак. Почему же мы должны церемониться с ними? Почему бы нам не восстановить прекрасные обычи прошлого?»

Даже либеральная газета «Прогрессивный блок», всегда подчеркивавшая, что не имеет ничего общего с «кланом», писала:

«Миролюбие и терпимость жителей Джексонского графства потрясены зверским поступком этих бандитов. Мы против самоуда, но сейчас и мы говорим: «граждане, вы имеете право линчевать их.»

Власти штата были смущены этим единодушным мнением реакционных элементов и поспешили с процессом. Допустить ли»

1 Фактически.

Осужденные на смерть негры-бездарыте. Слева направо: Зиды Райт с братом, Паттерсон, Виллиамс, Робертсон, Монговери, Кларенс Норрис, Чарльз Уилкс и Билл Пулаэл. Самому старшему из них 20 лет. Большинству 16—17, и самому младшему — 14 лет.

чевание девяти человек сразу было слишком рискованно. Слишком громкий вышел бы скандал.

Суд поэтому состоялся через несколько дней после ареста. Прокурор повторил слово в слово передовицу ку-клукс-клановской прессы. Защитники, назначенные местной адвокатской корпорацией, отправляясь в суд, заявили:

— Если их казнят на электрическом стуле, человечество только выиграет от этого.

На суде они читали сквозь зубы замечания о «смущающих обстоятельствах», не обращая никакого внимания, что подсудимые целиком отрицали свою вину. Показания доктора о том, что факт изнасилования им не установлен, не были приняты во внимание. Доктор был осмеян и принужден ретироваться.

Зато показания «несчастных жертв» были заслушаны со всеми подробностями.

Сквозь вытерпели эти несчастные!— вздохнул судья, обращаясь к присяжным. Даже директор фабрики, где работали когда-то уволенные за пьянство Виктория Прайс и Раби Бейтс, приехал в суд, чтобы возглавить должное «пострадавших».

— Они были самыми скромными и честными труженниками на фабрике,— заявил он,— и я охотно готов их принять обратно, когда им будет угодно.

Негры сидели на скамье подсудимых с печально-серыми лицами. На их слова не обращали никакого внимания ни судья, ни присяжные, ни адвокаты.

За окнами выла топа. Восемь тысяч зашурлали улицы, ведущие к зданию суда. Торговцы, комиссионеры по продаже недвижимых имуществ, агенты торговых фирм, домовладельцы, зажиточные фермеры, съехавшиеся из окрестностей с ружьями в руках, ревели у дверей суда, требуя выдачи негров.

Конные полицейские, охранявшие здание суда, лениво убеждали толпу:

— Не волнуйтесь, граждане, все одно их сожгут. Что здесь, что там.

Наконец приговор вынесен:

— К смертной казни через прохождение электрического тока сквозь тело...

И срок:

10 июля 1931 года.

Один из обвиняемых был пощажен. Его приговорили к пожизненной каторге. Ему было всего 14 лет.

В зале суда бешено аплодировали.

Гнев и возмущение охватили пролетарские массы страны.

Волна протеста против суда в Скоттсборо прокатилась по всей Америке.

Центральный комитет американской компартии опубликовал воззвание, призывающее рабочих, белых и черных, совместно бороться против позорного приговора. Комсомол, МОПР и Лига профсоюзного единства присоединились к борьбе.

Международная защита труда мобилизовала для защиты осужденных негров широкие массы рабочих. Повсюду идет сбор пожертвований. Подана петиция в верховный суд штата о пересмотре дела. На место прибыли два крупных нью-йоркских адвоката, специально приглашенные Международной защитой труда.

Эти попытки спасти несчастных были встречены диким воем ку-клукс-клановской прессы. Адвокатам на каждом шагу чинят препятствия. Они получают анонимные письма, угрожающие им смертью, если они не оставят дела в покое. В нью-йоркской организации Международной защиты труда было получено на днях¹ следующее письмо из Скоттсборо:

¹ Так называется в Америке организация МОПР.

Hotel Walden

"New and Improved"

CHATTANOOGA, TENN.

April 10-21

The Negro Labor Defense
New York City
you Negroes are invited
to Observe - We want
your scalp - along
with the nine we
already have - and
will get it or any
one else who is a
party to the Telegram
sent here in behalf
of the nine Negroes to
hang. send this to your
article baby - KKK of Ala

«Мы приглашаем вас, непрошеные защитники негров, в Лабаму. Мы хотим получить ваши скальпы, так же как и тех девяти, которые уже у нас в руках. И мы снимем скальпы со всякого, кто еще вмешается в это дело».

Озверевшие палачи боялись, как бы не ускользнули их жертвы. В ответ на попытки спасти несчастных, они мобилизовали негритянских попов и направили их в камеру, где сидели осужденные к смерти юноши, чтобы убедить тех отказаться от адвокатов МОПР. Попытки ни к чему не привели, хотя попы и объявили в печати, что заключенные принимают адвоката, специально нанятого для них Союзом негритянских священнослужителей. Этот адвокат оказался гордым пьяницей, выгнанным даже из адвокатской корпорации в Скоттсборо.

«Милая мама, — пишет семнадцатилетний Хейвуд Паттерсон из тюрьмы, — нас здесь закупают и мучают. Вера опять вышла до полусмерти.

Наш процесс был издевательством. Нас не слушали и нам не верили. Теперь нас хотят убить на электрическом стуле. За что? Ведь мы же не совершили никакого преступления.

Мама, спаси нас. Пусть добьются пересмотра дела, Нас хотят убить ни за что.

Твой сын Хейвуд»

буржуазные сынки на производственной практике

Иногда американские рабочие начинают стачку, американские капиталисты готовы встретить ее свинцом. Буржуазные сынки — студенты различных колледжей зааначивают свое высшее образование на бесчисленных специальных курсах палачей. Там они изучают многообразные способы расправы с рабочими. На снимке — один из моментов изучения такой дисциплины. Студенты тренируются в стрельбе по рабочим демонстрациям со специального автомобиля.

затейники

евгений соболевский

Темными и долгими вечерами они слонялись по тихим улочкам Нарвской заставы, любили семечки, пели песни, собирались стаей у заводской ограды, занимались самкритикой, всегда наполненной жестокостью, но дружеской издевкой. Их была целая группа. И почти все они имели какую-либо веселую специальность: одни играли на гитарах, другие на балалайках, третьи умели искусно подражать певню петухов, которых слышали в детстве, или свисту паровозов, доставивших их в Питер.

Когда раздался кич о затейниках, все они были смущены. Положение их на заводе, надо сказать прямо, было должением людей, к которым особого уважения не чувствовали. Их считали флюсами, пиканами, фертниками, одним словом всем, чем угодно, но только не полезными людьми.

Они были завсегдатами вечеринок, при чем никогда не разбирались, на какие вечеринки их приглашали. Тут были и пьяные, и полупьяные и просто веселые вечеринки.

Не спорим, вечеринки тоже бывают разные, но те вечеринки, которые проходили с участием этой дессель группы, почти всегда сопровождалась выпивкой, танцами, скандалами, и редкий из участников вечеринок на другой день являлся на завод.

Этой группе было все равно, где и почему играть. Ей хотелось только одного: провонять себя, показать во всю ширь, во весь размах.

Стучалось, они забирались в клуб, собирали вокруг себя кучу ребят и начинали впрямья играть, рассказывать смешные истории, подражать певню птиц... Заведуший клубом,—и это случалось с ним нередко,—просил их уйти из клуба, он говорил, что они своей игрой пользы не приносят, а только мешают, и куча ребят вместе с этой группой уходила или во двор, или к какой-либо товарищине, у которого была комната посвободнее. Начиналось... вечеринка и все, с ней связано.

Неудивительно, что когда сам отсек комсомольского коллектива проходил по всем мастерским завода и объявлял каждому из этих парней, что сегодня, мол, назначено их собрание, все в первое время смутлялось до крайности. Это было так неожиданно, так внезапно. Их—на собрание. Что же с ними хотят делать? Выговор, исключение из комсомола?

— На какой предмет?—решительно спросил Петя Ульрих (португальская мандалина).

— А вот из вас мы затейники будем делать.

— Затейники?

— Что за странное слово!

В романе Е. Соболевского „Нас пятеро“, выходящем в издательстве „Молодая Гвардия“, описывается жизнь ленинградской рабочей молодежи в период между VIII и IX съездами комсомола. Отрывок „Затейники“ относится к тому времени, когда ленинградская организация комсомола впервые объявила общегородской культурной молодежи. После проведения культурной работы с затейниками не прекратился. Из затейников стали создаваться затейнические бригады, а систематически проводившиеся смотры затейников являлись могучим стимулом к развитию в Ленинграде самодельного искусства, которое в настоящее время наряду с Трамой играет огромную роль в культурной жизни ленинградской молодежи.

А из них действительно начали делаться затейников. Делали это быстро и решительно. Прежде всего сделали в клуб специальный вечер—смотр затейников. На этом вечере, насколько нам помнится, присутствовало одиннадцать человек:

1. Иван Носов—гитара гавайская,
2. Никитин Носов—гитара русская,
3. Александр Первов—балалайка шестиструнная, хорошей работы, с перламутровой отделкой.
4. Таня Стрелочка—баян,
5. Петя Ульрих—мандалина португальская,
6. Митя Пронин—мандалина итальянская,
7. Н. Ветров—джаз-бэнд (деревянные ложки, скоровордки, бубны, тарелки, трещины, газированная бумага и т. д.),
8. П. Варухин—подражание животным (плач петуха, кошачьи раскаты, интермедии токарных станков, паровозные увертюры, художественный свист и т. д. и т. д.),
9. Мишка Слвстрих—песни (от «Клавичино» до «Буденного» включительно),
10. Анатолий Такафов—чететка, и наконец
11. Матвей Брук—личность несколько загадочная («Интеллигентней» рецензент называл бы его конференсом, менее «интеллигентней»—конференсом, еще менее «интеллигентней»—водителем, мы же просто называли его веселым парничком, парничком она это).

Итак, их было одиннадцать человек (впрочем, мандалина итальянская, кажется, испугалась и бежала).

Вечер этот начался несколько странно и даже необычным образом. Иван Сдобин—он же завлудбом—воздулом провозвестил речь о затейниках. Дать определение затейникам.

— Что такое затейники?—назвал он свою речь.—Затейники это...—тут Сдобин понес определенную чушь. Он сам плохо разобрался в этом слове (надо сказать, впрочем, что более или менее точное определение затейников наши только в самое последнее время).—Затейники это...—И к позору своему он начал весьма занятно и довольно определенно говорить о... Чемберлене—Чемберлен—это не затейники,—говорила он.—Чемберлен, это наоборот. Красные затейники, только они один и т. д.

Первое отделение вечера прошло неплохо. Каждый делал все, что мог, демонстрируя в клубной сцене хитроумные ухищрения. Но самое интересное произошло потом. Завлудом сказал буквально следующее: «Товарищи! Что сейчас будет, этого я сам не знаю (завлудом не знает! Вы подумайте!) Я, товарищи, в общем и целом смысловое вместе с отскром. («Да ну?» — с нескрываемой радостью воскликнул Брук. — Вот здорово!). Второе отделение всецело представляется самим завлудом. Все помещение клуба огнями переходит в развлекательное движение. Каждый сам по своему усмотрению равняется, трудящийся убавляет, а как и каким способом — это их дело. Потому они затейники».

И под дружные аплодисменты всего зрительного зала он действительно смился со сцены.

Затейник, сидящий тут же на сцене, за очень торжественным красным столом, удивился сами себе: вот они значат какие нужные, важные и самостоятельные! Затем лихо взглянул друг на друга, тряхнул головами и все, как один, прыгнули в зрительный зал.

Затем они, как бы сговорившись, разошлись по разным компаниям. Каждый из затейников ухватил за собой ту или иную группу. Кому нравился шестиструнная баладайка — тот пошел за шестиструнной баладаикой, кому нравилась португальская мандолина — тот пошел за португальской мандолиной, кому нравилась деревянные ложки, сквородки, бубны, тарелки — тот пошел за деревянными ложками, сквородками, бубнами, тарелками. Кому нравился Матвей Брук — тот пошел за Матвеем Бруком.

Никогда не было такого веселого вечера в клубе.

Вот они на грузовом автомобиле. Их везут на общегородской смотр затейников. Автомобиль вздрагивает, спотыкается о колдобины московского шоссе. Но шофер веселый. Еще час тому назад слышал он за собой монотонный и нудный визг листового железа, которое все со склада, а теперь на своем неизменном грузовике слышит он пение птиц, ликующую «барыню», «Мы на лодочке катались».

Шофер рад, но затейники смущены.

Общерайонный смотр в Московско-нарском доме культуры. Что это значит? Это значит, что в огромном зале, освещенном чорт знает какими количеством свечей, свыше 3500 человек будут смотреть на них, и только на них.

Вероятно, будут речи (ах, эти речи!) Кроме того, было известно, что затейников хотели сделать «счастливыми» («вам в люди будут выходить!» — шутил завлудом завоком).

Однако, если даже и шофер, веселый их, смутно представлял себе, что они будут делать на смотре, то сами они еще менее представляли себе это.

И вот они ехали к Нарвским воротам — все одиннадцать человек в одном грузовике, неловко теснясь у стенок. И смутно им припомнилось, что в общем-то время они, пожалуй, сами с завистью глядели бы на этот грузовик, наполненный весельем и задором. А теперь им в свою очередь завидовали пешеходы.

Впрочем, завидовать было нечему. Ведь они пели, шутили и играли только потому, что им хотелось забиться нан по крайней мере уверить себя в этом. Они чисто спохватывались, что должны будели бы на этот грузовик, наполненный весельем и задором. А теперь им в свою очередь завидовали пешеходы.

Им стало не по себе, когда они вошли в зал. Это было место, к которому они не привыкли, которое подавало им свои размеры. Все слушатели уже собрались и все глядели на них и — что не было замечено затейниками — во взглядах каждого из глядевших можно было прочесть не любопытство, а некоторое снисхождение. Все ведь знали: эта группа никогда не была в таком положении, только исключительные обстоятельства могли их сюда привести.

Они расположились рядом со сценой среди сваленной груды декораций, и не успели обомылиться от новых и неслышанных раньше ощущений, как руководитель смотра тономым голосом заявил, что сейчас будут показывать затейников обществу им. Ленина.

Они замешкались у входа на сцену.

Кому выступать первым? Никто не хотел осмелиться. Наконец вышел на сцену М. Брук и отпустил несколько комических замечаний. В другое время они рассмешили бы слушателей до слез, но на этот раз сказаны были таким испуганным тоном, что зал молчал. Он произнес еще что-то... Там был тот же Брук неловко раскисая, поспышавшие жидкие аплодисменты и затем на сцену вышел Никифор Носов.

Песня, которую воспроизводил Носов на гитаре, считалась песней веселой, но то, что Носов извлекал во время этого выступления, категорически опровергло это определение.

К тому же, в середине он сделал лишнюю паузу и кончил очень неловко, оборвав вдруг повторяющийся мелодию первого колена. Густо покраснев, он ушел. Аллодисментов было больше, чем Бруку. Быть может, слушатели спохватились, что все дело в том, что ребята смущаются, что нужно поодобрить их...

Однако после такого выступления нельзя было ожидать ничего хорошего и от третьего — бесполого и темпераментного мандолиниста Петюхи Ульяника.

Ульярих вошел на сцену так же, как и его предшественник, переминался с ноги на ногу и как-то неопределенно улыбаясь.

Первый номер его прошел ничуть не лучше выступления Носова. Но он взглянул в зал — и что же? — в первом ряду сидел сосед его по станку Васяма с мастером Тунисом; оба подмигивали ему чего, мол, стесняешься, свои люди, а велею Оленька Семнигина задорно улыбаясь ему и приветливо махала платочком:

— Да, ребята, так что же, так что же это мы? — сказал он

правда, больше самому себе. Затем заломил шашку, как делал на вечеринках, лихо прохвывая по сцене, неожиданно прыгнул на стул и исполнил «Слетит месяц с самыми необычайными вариациями и даже чуть-чуть притопывая при этом и приседаю. И номер прошел с подьемом. Ему долго аллодировали. И это выступление провало цель». Последующие номера исполнялись уже легкими, свободными, своими в доску людьми. («Славой добротью звали их песни», — говорил потом в кулуарах какой-то штатный областком, удивленный несомненным успехом затейников из общества им. Ленина. — Каким счастьем светились их лица!). Конферанс т. Брук (он же «конферанс» «водителем» и «парнишка на вью») тоже переродился. Он отпуская шутки и они эхом отдавались в зале, вызывая урганы смеха и аллодисментов. И все остальные номера прошли так живо, как никогда.

Потом они отступили на улице. И вдруг почувствовали, что счастливы, все без исключения, решительно все.

На завтра группа затейников пришла как и обычно на завод, к обычным местам работы. Их встретили дружелюбно. Больше того — их поздравляли и жали им руки. На них смотрели любовно.

Маруся Колоколочник извлекала откуда-то коробку ирисов и положила по одной штучке в рот каждому затейнику.

Затем она лукаво подмигнула, улыбнулась и, кружась как в танце, нырнула во двор.

рисунки Ю.Шанина

КОМСОМОЛЬСКИЙ КОНВЕЙЕР

сила примера —

буксир отстающим

очери а. пугачева

Человек прижимает к груди «барана» и включает ток. «Баран», содрогаясь, вонзает в уголь свой единственный клык. Подгоняемый неутомимой силой, что по проводу вошла в «баран», клык, вертясь с тугим металлическим скрежетом, насаждает лес в нутро пласта. «Баран» гауко стонет и трещит, как под ножом.

Гудит, дрожит «баран», дрожит и скрежещет клык, и в ритм им дрожит человек, но молчит, сжав челюсти. Тяжело. Руки мертвой хваткой сжали рога «барана», и он медленно перемещается с правой стороны груди человека сперва на левую, потом на центр.

Твердый уголь не вымаркивает яростного изпадения — садет. Клык летит все глубже и глубже, и из ранки непрерывной струйкой бежит черная кровь — пыль. Бледный свет лампы пригает на вертящемся металле, а оттуда, из неведомых глубин земли, возникает спиралью, через «барана» в грудь человека вылетает змея. Но это только кажется. На деле — просто комсомолец — коммунист Дмитрий Колмогоров электрически коловоротным перфоратором — да с дедом привычное, каждодневное дело — бурит шпур.

«Баран», что бьет-ся на его груди — это технический термин обозначения электрического мотора — сверла системы Сименса — Шуккерта. Мотор размером и формой удивительно схож с «бараньей» головой. Только немецкий «баранчик» по весу немного уступает барану из треста «Омневод». Его вес всего 12 кг. Зато он превосходит силой — мощность его мотора 0,73 квт.

В соседних забоях ухает динамит. Надо торониться. Пять шпуров есть. На блестящем тале пласта они разбросаны черными глазами в шахматном порядке. Шестой должен найти среди них свое место. Время не жлет. Темы решают: быть прослоу запальника или нет. И Колмогоров, не передохнув, отказавшись от павироски, начинает сверлить шестой шпур.

Стою рядом, хронометрирую. Секундами множу на миллиметры.

Сверло, выплывавшая штыб, игрывается в пласт. Бегут секунды, непрерывной походкой вин-

тает перфоратор. Шпур готов. Глубина около 160 см. Шпур сделан в шесть раз скорее ручного бурения. Мотор работал около пяти минут.

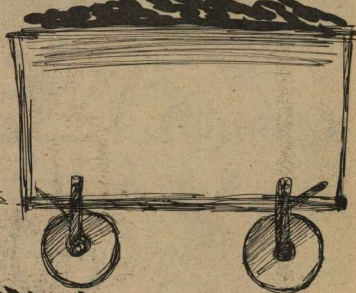
Обычная средняя скорость бурения «бараном» 30—100 см в минуту. На Бисе уголь чортовски тверд и это снижает темп. На крепких углях лучше применять мотор «Литль-Джайент». Он мощнее, но и тяжелее. Один рабочий с ним не справляется — работают двое.

В забой приходит комсомолец Иван Байдалнов. Отпальника еще нет. Тогда решают углубить вруб.

В забое стоит электрическая врубовая машина легкого типа «Сискоа». Эта машина советского производства — детище Горловского завода.

«Сискоа» меньше и во много раз легче американского «Шорт-Волгаудера». Мощность его равна всего только трем с половиной лошадиным силам. Работают на «Сискоа» двое — машинист и помощник. Корпус «Сискоа» при работе должен быть неподвижным. Поворачивается и ластуется только рычаг с режущим механизмом. «Сискоа» уставляется при помощи подвешенного винта. Винт заменяет 3—4 человека. Когда один конец винта упирается в купол штекра, то «Сискоа», как железная лагушка, пригладывается к земле. Пускается мотор. Врубовая коронка, укрепленная при помощи удлиненного штока в редукторной части машины, начинает резать кусать уголь.

Байдалнов троекратно подкашивает за машинной шаровый штаб — пыль. Наконец приходит запальник — комсомолец Миша Косоракон. Он отгоняет

нас от забоя, остается один и, как жрец, начинает священнодействовать с динамитными патронами. Метров на 15 от забоя мы находим бранду, доски и лесасы привал. Тут безопасно. Можно переждать атаку.

Начинаются длинные минуты ожидания. Я мобилизую память, по ходу секундной стрелки отсюда, через эту 10-метровую стену темноты, пытаюсь проникнуть в гайство запальщика. Это мне удается. Вот он снимает с плеча сумку. В сумке коробка. Если она не почата, в ней должно быть ровно 36 патронов-килограмм, 96 проц. динамита.

Коробка вышлет уважение и почтительность. С ней надо быть коротко и вежливо. Комсомолец из коробок извлекает пистон. Это — медный, открытый с одной стороны, цилиндр. В нем гремучая смесь (85 проц.) и соль Бертолета (15 проц.). Вещества крайне раздражительны и взыскливы. Чтобы смягчить каприз, им дают ладку с длинным именем — тринтротоголов. При нем они несколько теряют свою раздражительность, ударам и сотрясениям.

У патрона хвостик. Это — знаменитый

запальный шпур Бикфорда. В эти дни по всему миру он как раз празднует столетний юбилей. Вот характерные черточки портрета юбиляра. Полая трубка из бумагой или джутовой ткани, диаметр в 3 мм. В трубе пороховая мякоть. Для предохранения от сырости может быть покрыта гуттаперчей или ленточной оберткой и т. п. Вот и все. Кажется, просто. А эта простая штука обошла весь мир.

Косториков проталкивает патрон в шпур. Вслед за ним идет туда же деревянный «золотник-забойка» или чижик. Потом до устья шпура забивается глиняной забойкой. Патрон заперт. «Жижка» и глина при взрыве задержат газ. Дробящая сила взрыва взрывчатого вещества зависит от продолжительности взрыва. Мгновенный удар всегда дает наилучший результат.

Бегут минуты. Миша заряжает шпур один за другим. Затем бежит к нам. Шпур горит со скоростью 60 см. в минуту. Через секунду в забое разразилась канонада. Мы считали глухие удары молча, а при последнем радостно произнесли вслух: шесть.

Удачная запалка, недочета нет. Подождав несколько минут, пошли к забоям. Трещины клубятся синегатым дымом, пахнет кислыми шами и еще чем-то. Уголь потерял свою твердость, потрескался, стал податливее.

Мы уходим на два часа, и забой остается один. Потом придут комсомольцы-забойщики, обрубят распавший уголь и на «сантайских тарелках» — тачках переувезут в ближайшую пещку. К пещке подкатит комсомолец-коногон и, нагрузив вагонетки, доставит уголь к стволу шахты. Комсомолец-стволовой подает его «на-гора». Комсомолец-откатчик опустит уголь с эстакады, чтобы комсомолец-грузчик перекинул его в углярки. Паровозы под командой комсомольцев-машинистов увезут тяжелые составы на Урал, и там комсомольская бригада засиплет уголь в дому.

Кажется, фантастика. А в жизни так бывает каждый день, на каждом шагу, только не замечаешь. Называется это — комсомольский конвейер. Уголь идет от забоя в дому.

ПИСЬМО

ИЗ

ПОВОЛЖЬЯ

фото а. радченко

ИГОРЬ СТРОГАНОВ

Мне сегодня пришло письмо от отца с лесозаготовкой... и со строчки подруги Зины. Зашуршали иголки елок... Над историей колыхается дым, перепрыгивая через запястья, в смоляные легки ряды бранды динамитные и золотые. Выюга свистнула над головой, дунул в щели лавалинский ветер, истаяла густой смолой, поношатся сосновые ветви. Вот отец и трактористу сел. Ледяное шоссе искривит. Черный тризитор тинет и шовсе бревна длинную вереницу. Вот он, батя мой, подошел к штабелю, мысыном и ровным.

прозрачный карандашом измарует ласкуны бранды, что в весной деревянной рейой эти сосны и эти елки пылые внят, туд, далеко, и городам, деревням и поселкам, чтоб тогда отцумит зима, в самый первый весенний месс, разрослись бетоном дома за пахучей расщептой лесе, чтоб строительства юный пыл небувал авартам работы, чтоб икелли бешмистром пил лесопилон водвороты... дочитал до точки. Концы. Перепечатывать хочется снова то письмо, что прислал отец на поволжский лесозаготовкой.

залежи энергии

ал. астафьев

Ротова, заведующего шахтой, рабочие ни минуты не видят спокойным. Бесит он, как угорелый, грязный, похожий на забойщика, хотя заглядывает в шахту редко,— времени нехватает.

К подписыванию бумаг Ротов особую пристрастия не имеет. И старательнее всего он занимается делами мелкохозяйственников. В кладовые сейчас, обиваясь потом, он спорит с рабочими, не желающими одевать нематые спецовки.

— А как же я надед засаленную рубашку?— уговариваюче шепчет ол охрипшим голосом изранистому парню, вытаращившему перед его лицом пыль из обугленной хомцевки.

К Ротову, минуя захвонов, паритов и прочих, рабочие и работницы обращаются все всеми своими хозяйственными недоразумениями. И он так иногда погружается в эти дела, что неуспешное их разрешение считается причиной прорывов.

...Пустился слух, что из четвертого барака, где сегодня смена выходная, сбежало десять комсомольцев. Ротов спешит туда.

— Как же их дернули?— думает он.— Тяжела работа? Жалоб больше как будто не поступало... Работают шесть часов... Если существование скучновато? Едва ли...

Занятый своими мыслями и догадками он вошел в барак.

Многие рабочие еще валялись на койках. Некоторые лежа читали рудничную газету. На боковой койке прохлаждался местный заправила Сема Додонов.

— Еще лежите, герои передышки...— укоризненно морщится Ротов.

— Лежат, как залежи живые, клопов кормят!— подражая Ротову, косоротится Додонов.

— А ты, Сема, что делаешь?— иронически спросил кто-то.

— Упражняюсь!— Семен засучил рукава.— Вы все знаете, что я и силен и настойчив.

— Сила-то, конечно, в вас есть, толь-

ко не по руслу течет она,— заметил Ротов, считая украдкой пустые койки.

— То проводам через Каширу и Москву направить се надо,— добавил широко-рудый комсомолец Мартынов.

Мартынов—забойщик-ударник, один из стойких тысячников-москвичей. Премированный недавно за рекордную месячную выработку (он выработал 132% задания), Мартынов знает, что страна голодает от недостатка угля, и поэтому закрепил себя в Подмосковном бассейне до конца пятилетки. Когда он приехал, его, как и всех москвичей, отсталая публика дергала единым насмешками за галстук и чистую рубашку. А старики страшались опасностью и трудностью шахтерской работы.

Действительно, первые минуты в шахте, как холодной водой, смыли с комсомольцев налетный пыл задора, навеянный торжественными проводами из Москвы. Первое время от слабого треска строек забоя, от удивень за шею капли воды шарахались ребята в стороны, опасясь обвала.

Были случаи, когда отдельные комсомольцы позорно бежали с фронтов подземелья. Но постепенно большинство тысячников крепчало в работе, становилось отчаяней, как говорили шахтеры. И на самом деле, препятствия преодолевались. Неудачи действовали на комсомольцев как вода на горящий в толпе антрацит, усыпывая огонь.

Просматривая газету, Мартынов нагнулся на стихотворение забойщика из соседней шахты, поправившее ему полный соответствием с тем, что ощущал он сам.

— Вот наши рабочие какие стихом отмахивают, послушайте!— сказал он и зная начал вслух читать:

*В шахте душно,
тепло
и сыро,
Но все это
не страшно нам.*

Частенно некоторые хозяйственники мечутся и вопют: «Нет людей, нет людей!» Но эти же владющие в панику хозяйственники обычно очень плохо знают тот человеческий материал, который находится у них под рукой, и не умеют его использовать.

В заметке «Залежи энергии» один такой хозяйственник—Ротов, столкнувшись в бараке с группой молодежи, неожиданно для себя открывает целые «залежи» комсомольской инициативы и энергии.

*И на призы
Слабейших токов Каширы
Мы за угольным
Боремся пани.*

— Как же боретесь?—Ротов выбрал удобный момент, именно сейчас время выяснить вопрос о корнях утека. «А когда бежите с работы?—хотел было договорить он, но его перебил Мартынов:

— В том-то и гвоздь весь, как боремся... Сталин говорил речь о технике,—она тебя как заведующего шахтой в первую очередь касается, а ты что сделал?

— Как что?—насторожился директор, взятый под обстрел десятками заостренных глаз.—А машины скоро устанавливаем в нашей шахте? Устанавливаем. А способ Карташева подрабатываем? Подрабатываем.

— Ну а мы, значит, мастеров готовить хотим,—широко улыбался Додонов, усевшись на стол.

— Каких мастеров?—недоумевал Ротов.—Мы отравили трюк на учебу...

— А мы все поголовно хотим заделаться мастерами!—дружно отвечали ребята.—Ничего от нас экзюрия вместе с инженером в механизированный рудник направилась, и там, кстати, познакомится, как у них курсы работают.

«Вот как залежи»,—недоверчиво удивлялся Ротов.

— И весной хотите заниматься? Не растут ли на солнце все ваши героические замыслы?

— Не растут и не высохнут!—ответил Мартынов. Комсомольцы наперобой стали рассказывать, что проект уже есть: всем рабочим, по примеру других рудников, ежедневно перед спуском в шахту заниматься 2—3 часа учебой.

«Русло громадное,—растерянно раздумывал Ротов, возвращаясь из барака.—Только надо серьезно помочь ребятам.

гружат уголь под стандами шахта им. наливина

стальны друзья

очерк ударника завода И
анатолия ицова

Морозная ночь. Тихо скользят по холодному полу луна. Во дворе завода стоит легкий шум мощного вентилятора. Три часа. В партоме еще светло и тепло, и углы большой комнаты за письменным столом, освещенным одиночной электрической лампой, сидят: седей Мелхов со сборки и еще двое—один мастер горячего цеха, а второй—председатель цехкома. Тут же секретарь партома. Это — штаб мартовского штурма.

В первых числах марта обнаружился большой прорыв мартовской программы, а значит и программы первого квартала. Целый ряд ошибок и недоработок довел завод до этого прорыва. Парторганизация ударила в набат.

На собрании в заводском клубе, переполненном рабочими так, что балкон трещал и, казалось, стены вот-вот разорвутся,—было принято твердое решение: победить март, а с ним и весь квартал. Большевик-пролетарий верен своему слову. В отчаянной схватке с трудностями прорыва боролись рабочие слесарного и сборочного цехов.

Дверь партома стучалась с шумом, вошел человек, небольшого роста в кожаном пальто и детской шапке—это был Старшев, начальник штаба. Он четвертые сутки не выходил из ворот завода; вздремнет немного в партоме на диване, и снова работает. Нет, этот парень не спит, не даром на левой стороне груди кружится у него орден Красного знамени. Знает Старшев, что значит его завод для Красной армии, для обороны страны в момент ожесточенной борьбы классов.

С приходом Старшева все оживилось:— Ну, как дела там на сборке?— Во! На بالای палец с покрывной,—весело засмеялся Старшев,—еще несколько дней—и прорыв ликвидирем... А, как тебе нравится, Васи?—Сказать—на трах врагам работаю ребятя!

— На трах врагам, это верно ты говоришь,—заметила Гаса, секретарь партома,—а вот у тебя глаза воспаленные и сам желтый, как лимон. Пошел бы домой, отдохнул, так и быть, без тебя обойдется, а то смотри—чорт знает на кого похож стал...— Ничего, Васи, это пустяки... Дай, прорыв ликвидирем, а там...—Старшев таинственно оглянулся, будто хотел сообщить какой-то секрет, а там... будем гадать, чтобы снова прорыва не было.

Все засмеялись.— Вы думаете, я один такой Кащей бессонный? А в цеху Вавушка со своей бригадой комсомольцев третьи сутки из завода не выходит. А вы сами чего не спите? Да инаше не мы бы штурмовали март, а март штурмовал бы нас.

На следующий день в штаб сообщили, что бригада Белова свой монтаж по программе 28 марта прорыв должен был быть ликвидирован. Но после второй победы, когда и следующий монтаж был готов, бригадир Зотов а обед созвал свою бригаду и сказал:

— Ребята, вот что, посовецаемся, что ли...— Да ладно, давай без предисловий, в чем дело,—хором ответили ребята,—а то скоро работать.

— Так вот что,—начал Зотов, обводя слушающих взглядом своих острых мышиных глаз.—Сказали, ребята, то закончили свою работу, ну а наш цех, значит, как главный, то мы по плану должны закончить 27-го. Я предлагаю дать встречный план 26.

— Вот ты всегда выдумашь!—забубнил сильным басом Григорьев.—Раз 27-е, так 27-е, одним днем позже, одним раньше—26 ерунда.

— Ерунда-то ерунда!—разгорячился Зотов,—а вот 26-го кончить было бы лучше. Согласались, приняли предложение: закончить 26-го.

Таких темпов, такого энтузиазма завод сразу не видел.

25-го утром на митинге рабочие предложили выпустить сверх программы машину имени Сталина и деньги внести в фонд постройки эскадрильи тов. Сталина. На этом же митинге комсомольская ударная бригада взялась сверх того выпустить в четыре дня машину «Ворошиловец». Это заявление было встречено шумными аплодисментами. Рабочие и инженерно-технический персонал обещали помочь комсомольцам. Выпустить машину в такой срок и при таком количестве людей—дело нелегкое.

Утро 27-го марта. В цеху тишина. Только изредка пробекнет кто в инструментальную за сверлом или за деталями на склад. Отчетливо слышно то усиливается, то замедляется жужжание электродрели, где-то в углу помпунто слыта ударит молоток.

У отдельных машин копится груда людей в черных спивках. В середине цеха, разговаривая полупонимом, стоял директор завода, секретарь ячейки и член штаба.

Берут последние тверданы мартовского штурма. Работа идет при большом напряжении. Ни на минуту никто не отстает от своего поста.

Первой закончила бригада Зотова. Смущенно улыбаясь, Зотов доложил директору:— Кончили, но все же списывали ребята мои, договоривались на 26-е, а кончили позже 2¼ часа. Выплат Григорьев, он все бубу-бубу—и всегда так...— Ну ладно, ребята, молодцы!—пожимая руку Зотова, ответил директор,—и ты так тор.

По цеху пробежал, ни на кого не глядя, старик Семенов, держа в руках охапку деталей, муфт, гаек. Это он несет для сборки последних незаконченных монтажей. Старик, несмотря на свои 56 лет, быстро, по-молодежи взбирается на смонлет и куда-то уходит.

Через час он вымаруа, держа в руках остатки деталей, ключей и плоскогубцев, спрыгнул и тем же манером взобрался на второй самолет, снова опустился ко дну и снова вынырнул, взбираясь на третий и последний. Из кабинки последнего самолета он вымаруа медленно, как подводная лодка, поднимающаяся на поверхность воды. Проводя рукой по лицу, он старался вспомнить—не забыл ли чего-нибудь? Уверившись, должно быть, что все

в порядке, он медленно вылез из машины, спрыгнул на пол и отскочил на несколько шагов от самолета, блистающего своей красотой. Семенов долго любовался на вытнувшийся ряд стальных птиц. Неполные чувства охватили его... «Эге,—подумал Семенов,—рады-то рады, но вот счастья да глазам—это уж ни к чему, не пять лет мне, совсем раскояк!»

Что-то непреодолимо потянуло его к самолету. Ему хотелось обнять его, шекотнуть, как вальду сынишку своего щекотал, когда тот был маленьким. Но стальная птица, подняв голову вверх, гордо смотрела за своего создателя.

— Э... мнлай!—дского проговорила Семенов, держась рукой за окованный конец пропеллера.

В одиннадцатый час тридцать минут досрочно был ликвидирован прорыв. Ровно в одиннадцатый час тридцать минут пропиком загудел заводской гудок и вместе с этим звуком медленно поднимаясь над цехом arose знамя—знамя борьбы и побед. Это был знак первой победы в третьем, решающем гоау пятилетки.

Вокруг знамени быстро собрались рабочие. На митинге была слово Семенов, но от волнения он не мог начать. Наконец, набравшись силы, он начал, свою речь не словом, а жестом. Дважды подняв руку, Семенов сказал, что ликвидирован прорыв, ликвидированы и до срока, но это еще не все. Машину имени товарища Сталина начали собирать—значит надо кончить ее. Ну, а комсомольцы «Ворошиловец» собирать начнут сегодня, а мы обещали им помочь. Небось, забыли!

— Не забыли, ничего не забыли,—ответили несколько голосов.

— То-то же,—успокоился Семенов.— Ну, а давайте надо гадать, чтобы прорыва больше не было, доволно, будя, а от меня завлаение вот...

Семенов вытятил засаленную букашку из кармана и передал секретарю партома.

Завлаение Семенова вызвало бурные аплодисменты и возгласы:

— Ай да старик, ай да Семенов!

Машина имени тов. Сталина была закончена 23-го числа. Блестящая новинка своего завода и красотой пропеллера, будто улыбаясь, она поглядывала на своего друга «Ворошиловец», быстро оперявшегося и росшего у нее на глазах. Машина дождалась полного оперения своего друга, что обом, вихахуи могучими крылами, подняться ввысь.

КОМСОМЛ ВЫРАСТАЕТ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

на комсомольском торжественном заводе в минские дни 13 молодежи ударников вытятила в комсомольские ряды. На снимке заседание рабочей комиссии

Война и мир

Очерк второй

ср. №16
«Смена»

Тихий санаторный город Кенигштейн потрясен необычными для него звуками. Это не заунывно, перелопочено и австрийски-классическую музыку, богослужебное пение или декламацию по графоладе. Это бе звон на местной колокольне, не струящиеся аентами гитары учительниц, марширующих в горы вперед стайки экскурсанток-учениц, не сирены автомобилей, не пулемет мотоциклов.

Это марш, но он не записан ни в одном сборнике репесских и питейных песен. В оркестре человек 10. У мотодух — барабаны, у шести — флейты, других инструментов нет. Поэтому мелодия одновременно визжит и бьет.

Флейты, тирямелы, черные, медные окованы конши. Желтый покров стволушка черные куртки оркестрантов и тех, кто идет за ними. Черные кожаные пиджачники угрожающе оковали шпо. Над козырьками эмалевые пятиконечные звезды. Над оркестром — узким красным парусом — стэг, за стэгим зямия, на знамени слова «Коммунистическая ячейка цеха, город Хелста».

Это десятковые большевики пришли в тихий город вербовать в партию и разработать «наци» (национал-социалистов-фашистов). Свистящий оркестр с барабанами требовательно и резко, хорошей скребицей, залезает во все морщины старого рыхлого горodka.

Испуганные дома хлопают ставнями, оторопелые пешеходы меняют маршрут. Место режового поедника коммунистов и фашистов — Бур-отель.

Не останавливаясь и не замолкая, оркестр и стегия входят в залу. Похоже, что паровоз в полной работе влез в номер гостиницы и громово пыхает в потолок. Оркестр свистит и стрекочет, пока на эстраде задник средневекового города застывается красным ставом, протестующим против снижения зарплаты рабочим, и белым транспарантом, где на фоне фабричных труб — красная звезда с серпом и молотом и надпись: «Мы бьемся за Советскую Германию».

Садятся, не снимая черных фуражек с матерчатыми козырьками, не отстегивая грозных черных ремней. В том, как рассовываются, есть умный, десятками митингов и слухоток проверенный расчет. Первый аэслом — пиджачником перед эстрадой, затем — охватывает вдоль стен. В перерез зале, вдоль стола — большевистский мот, и, наконец, крепкий тыловой заслон у дверей.

При таком расположении сил вся остальная масса в зале всегда может быть разрезана на группы и всегда в ней может быть пробит проход к двери на случай драки. А дракой палеет. Вой три шудима в длинных — почти до пола — синих плащах утапливают себе место поближе к эстраде.

Воз уже набираются и требуют себе пива аккуратные граждане в пиджаках, сажаясь тесно, молчат. Это — фашисты. Один среди них все время в движении, видимо рассерженный. Ослеп и постыпу в него пехотного офицера, руки в коричневых перчатках.

Среди фашистов запоминается взломаченный невразвения, все время ерзающий на своем стуле и то и дело ключущий карандашом страницы большого блокнота. Это — оратор «наци», рабочий. На него возлагаются надежды. Он держит сегодня боевой экзамен. Он не адепный, он тоже из Хелста. Его знают в лицо большевики-чернофуражечники и комсомольцы, разносщие по залу брошюры. Проходя мимо него, они его задевают, и короткие, на четыре-пять слов, перепалки возникают на ходу и гаснут.

Комсомолец из дальнего угла как бы дружески подмигивает расстреляному фашисту и фашистским знаком приветствия поднимает руку, раскрытую ладонью наружу. Фашист идет на удочку, поднимает свою, забывшийся в угол союзник подает сигнал. Тогда комсомолец закрывает ладонь в кулак и оттягивает руку вниз, делая «рот фронт». Чернофуражечники смеются. Фашист досадливо машет рукой, бурлит ругательства и утачивается в блокнот.

Зал уловлен. Вряд ли еще подойдут люди. Надо начинать. Натянутые струны задиричества протянуты в воздухе между лагерями. Задиричества все время соскальзывают в ругань, и то и дело комсомолец, потеряв намеренное выражение задиры, нахмурился и вскакивает с места. Товарищи задиричают его к стулу.

— Никаких эксцессов,— требует председатель.— Не давайте сорвать собрание. Дайте им перед рабочими выложить свой символ веры. Дисциплина, еще раз дисциплина и еще раз дисциплина.

Потом начинается первая речь партийного агитатора. Не речь, а целый фольклорный обиходный акт против германских фашистов-гитлеровцев.

— Фашисты,— говорит оратор,— называют себя национал-социалистической рабочей партией. А в действительности они не национал-, не социалистическая и не рабочая. Если мы вызываем их на разговор, то делаем для того, чтобы раскрыть перед лицом рабочих их обман. Обман, благодаря которому они ввели в свои ряды довольно много той рабочей молодежи, которая чувствует несправедливость сегодняшнего положения рабочего класса, но хочет выйти из этой легкой борьбы, на которую подманивают национал-социалисты, в то время как мы, коммунисты, воем на труд и ую бурю.

— Фашисты говорят, что классовый бой — это расовая борьба и сочиняют некую теорию о «расе господ», которым дано владеть нашими расами. Германский народ — это свыше отмеченный народ, ему должна принадлежать власть и будущее. Но его, видите

...тихий санаторный город кенигштейн потрясен необычайными для него звуками.

фото с третьякова

ли, губит низшая раса — евреи. А поэтому — война евреям. Впрочем, война не всем евреям. Если эти евреи банкиры, дающие деньги фашистскому вождю Гитлеру, то расовая война смолкает и «наци» предпочитают молчать.

— Пфуу! — кричат презрительно комсомольцы из зала. «Наци» молчат, поспевают. Взломаченный стремительно стучит в блокнот.

— А ну, ответь-ка, — не унимается комсомолец и рвется из рук сотворившей к фашисту.

— На все будет дан ответ, — огрызается фашист.

Голос председателя зовет к спокойствию. «Нацисам» будет предоставлена трибуна и они ответят.

— Неужели не ясно, — продолжает докладчик — что сейчас — в момент, когда самым темным слоем рабочего класса становится понятие, что капитал тинет из них последние жилы, и кулаки этих рабочих уже поднимаются на эксплуататоров, неужели не понятно, что часть капиталистов переводит внимание рабочих на своих же конкурентов, но только другой национальности.

— «Шпанденс капитал» и «рафденс капитал», говорят фашисты, когда их спрашивают, где же власть социалистическая теория.

Есть, видите ли, два вида капитала—создающий капитал и хищнический капитал. Капитал, от которого расцветает промышленность и благоустраивают рабочие, и капитал, создающий вжурт себя пустыню и горе.

— Ясное дело, что представителями «создающего» капитала являются немецкие фабриканты и помещики, а представителями хищнического— те же самые евреи.

— А мы, коммунисты, знаем, что такой социализм—липы, сработанный специально для дураков. Вне знания учения Маркса, вне беспощадной классовой борьбы с капиталом, как бы его не пылали расчленить, никакого социализма не построишь. Красная Москва—наш пример.

— Страну они изучать Маркса,—кричит комсомолец,—когда Маркс—еврей.

В фашистских речах раздается козлиное мекание. Молодой парень, поумный—невидящий зрачки, словно молюком задержуется,—развалился на стуле перед крашевым пииз, мекает, слушает свое произведение, улыбается и мекает вновь.

Оратор продолжает.

— Рабочая партия? А почему в этой рабочей партии тыловые офицеры, принцы императорской фамилии, генералы? Парень мекает. Вырастает возмущенная комсомольская стена около капитана. Предельный гримасничанье еще раз к порядку и тихим окриком усаживает ребят на места.

Фашисты своего не унимают. Им всякий скандал выгоден. Из-за коммунистических столов несутся реплики, и на каждую реплику парень отвечает с величайшей поспешностью счастливым меканием.

Весь демократический правосудия приходит в движение. Удальники правонарушений, шумяны (полицейские) поднимаются с мест и от коммунистического берега перемещаются синими тучными громадами к берегу фашистскому.

Председатель говорит оратору: «Продолжайте. Слить козляний аргумент. Тогда шумяны на момент прерывают течение собрания, вступают в деловые разговоры с мекателем и через минуту за ним затворяется дверь.

Не давшие себя спротоцировать коммунисты празднуют бескровную победу. Они не дают удалиться фашистам от трибуны.

Оратор рассказывает об красной Москве, об Октябре, о пятилетнем плане. О том, что СССР является не только отечеством рабочего класса, но и школой классового самосознания, и что велика жажда германских рабочих динуться в ту страну, которая больше строит в те дни, когда в Германии умелые рабочие руки висят зря в безработице. Он рассказывает, как сопротивляющиеся рабочему движению капиталисты, засев в Германии, капитализм передеваются в коринфские рубахи фашистов, а в Советском союзе его ловят в облинии вредителей, провокаторов голода и планоубийц.

Он рассказывает про процессы над вредителями и добавляет:

— Для нас, немецких рабочих, эти суды не чужое дело. Это наше кровное дело, такое же кровное, как и сама пятилетка. Мы отсюда, на Германии, приветствуем работу ПТУ и признаем рабоче-крестьянскую власть быть беспощадной.

— Близки решительные моменты классового поединка. Гитлер сказал: «Скоро покоятся голытьба. Да, подхватывает мим, они покоятся, вопрос только—чи.

Зал шумит, ладонями и ступами отечная коена режт. На трибуне следующий. На вид это рот-фронтовик. Но союз этим говорит его осянка и его расстегнутая у шеи блуза. Но союз «Рот фронт» в подполоте. Этот здесь—официально не рот-фронтовик. Он член пролетарского союза борьбы с фашизмом.

Темперамент боевика подымает его речь сразу на высокие ноты.

— Рабоче, национал-социалисты! Что это вы за рабочую партию себе нашили? Принц Август Вильгельм, сын императора Вильгельма-белого (смех в зале. Смеются не только коммунисты, смехуют и нейтральные, изрядно подполонившие залу)?

— Он кто? Рабочий? Или мекот быть сын рабочего? Поможет, будем считать его сыном дровосека? Насколько нам известно, бывший император Вильгельм у себя в голландском инииюнии любит рубить дрова.

— А генерал фон-Эп и другие генералы, окружающие вашего вождя и пророка Гитлера? Это что, тоже рабочие?

— Честные прометарии, что вы делаете среди этой... мим (видимо, он перебирает в сознании, брезгливо, как гиюйные трапки, входящие зиплетки)... этой мрази?

— Неужели неясно еще, что боевые отряды фашистов это попросту конторы, выполняющие заказы на политические убийства коммунистов?

Он зачитывает куски длинного списка, длинного в 90 с лишним коммунистических трупов—фашистская работа за 1930 год.

— Партия «наше»—это же поставщики штрэйбрехеров и полицейских сотрудников в критические для фабрикантов забастовочные минуты? Или не так было в Руре?

— Где находится склад фашистского оружия? В подвалах богатейших помещицких замков. Так, заманив к себе прометариев, делают их своими вооруженными наемниками сегодняшние господа капиталистической Германии.

— Давно пошли национал-фашисты!—кричит оратор.

Его голос звонче. Фашистские выкрики не в силах его перебить. По залу полет информации: фашисты неожиданно для самих себя очень слабы здесь и держатся скромно. Ждут подмоги из окрестных городков.

И в этот момент, перекрывая речь оратора, чутч затрещали стекла в окне,—грузовик проехал,—и за входными дверями

задались стук, треск, топот, словно втыкались по лестнице в гостиюину большой несгоревший шкаф. Взя шаркнулись люди. Боевой шеренгой сцепились у дверей комсомольцы. Коммунисты вдоль стен подались вперед. Оркестранты зажали в руки баянковые, окочинные медью палки флейты.

Тут повила я, что флейта—душной инструментом в демонстрационном оркестре. Медными трубами или скрипками драться было бы куда хуже.

Минута напряжения. Выпыхившие из зала полицейские возвращаются один. Ложная тревога. То ложился в флейты пришедший в неистовство мекатель. Музыканты снова садятся. Флейты лежат перед ними на столах какраз под руками.

Оратор кончает:

— Вы называете нас «московскими агентами», забывая, что красная Москва—это страна, от которой Германия не видела зла. А что делают ваши национальные вожди? Они едят андела под флагами у Муссолини, водители той самой Италии, которая по версальскому миру отговарива в Тироле от немецкого массива основательный кусок чистокровного германского мяса! Где же тут ваш хваленый национализм?

Трибуна фашисту.

Расстрелянный парень начинает извинениями. Он видите ли простой рабочий, он в первый раз на трибуне. Он не профессиональный партийный агитатор чтобы этак здорово разговаривать.

— Ладо, разговорива нездорово. Разговоривай, как можешь,—поощряют его ряды.

И вот, набрав воздуха в легкие, он выпаливает:

— Все коммунисты—это волочухи своего.

— Тебе морду бить надо!—кричит комсомолец снизу и бросается к рампе.

Крики с разных сторон: «По существу разговаривай! Ответчай на вопросы!»

Фашист садится на корточки на эстраде около рампы и начинает излагать «честные преимущества» по каждой реплике.

Председатель звонит сначала оплошонному залу, потом увлеченному перебранкой фашисту и наконец приводит его в вертикальное положение: «Продолжайте».

Парень заглядывает в блокнот и продолжает:

— Гитлер честный человек. Он шесть лет сидел в тюрьме.

— Четыре,—кричит из зала.

— Семь,—из фашистского угла.

— Как четыре?—возмущается оратор.—В каком году его поладили?

— Кто-то из угла подсказывает ему. Связь шум он не слышит. Наставляет ладонь на ухо.

Снова заседание превращается в беспорядочный разговор около эстрадных столов.

Председатель настаивает: «Отвечайте на вопросы. Вам поставлены вопросы—о социализме, о классовой борьбе, о Муссолини».

— Ну что ж, Муссолини, он хороший человек. Он с папой помирился.

— Не Муссолини, а Муссолини,—кричат комсомольцы.

— Чего?—спрашивает оратор, уловивший руку в коринфских перчатках руномор ко рту, кричит, вырывая оратора, с задернем на последнее «и—Муссолини!»

— Ну, так я же и говорю про Муссолини!—разводит руками парень.

Зал закатывается хохотом. Какой-то фашист подбегает к рампе, снова сажает оратора на корточки и нащипывает ему в ухо. Оратор встает. Он понял, в чем дело.

— Подумайте, разница важная—Муссолини или Муссолино! Какое в конце концов мне до этого дело!

— Как какое!—кричат комсомольцы.—А деньги вылизывать у кого будешь?

— Своих руководителей звать надо!

К оратору,—кричит председатель.

Оратор изучает свой блокнот дальше.

— Что вы рассказываете про бескорыстный интерес к России? Вы думаете, инженер Мае с Франкфурта в Россию уехал, потому что ему так интереснее работать? Он там жалования больше получал!

(Замечу попутно—об инженере Мае с ожесточением спорили в каждой мелкобуржуазной компании города Франкфурта и его окрестностей).

Франкфуртский механики всегда ненавидел новатора Мае за его нововое, свободные от фангилократ и архитектурных выкрутасов, светлые и чистые дома. Мае—это фак-рак из тех архитекторов, которые в распадае старой буржуазной доходной архитектуры создают новые формы, которые, однако, в капиталистических условиях не могут быть осуществлены.

— Вот,—объясняли мне эти люди,—почему Мае поехал в Союз, где строят по-новому, вне дома и не кварталы, а целые города, и где интересы рабочих вкисичеки обегаруются.

— Вы думаете,—продолжает фашист,—вы думаете, что 12 человек рабочих хестовеще записались ехать в Россию не из-за тех же денег?

— Каких партий эти рабочие?—кричат из зала.

— Социал-демократы,—отвечает оратор.

— Я эту группу знаю,—перевает председатель.—Социал-демократов там нету. А вот два национал-социалиста действительно записались.

Смеется зал. Сердится руководитель в коричневых перчатках. — Евреи добьются законный оратор до спасительного пункта своей программы.—Весь вред от евреев Еврфёв надо уничтожить.

Лягут аплодисментами фашисты. Коммунисты кричат «пфуй!». Оратор поднимается на высокие ноты.

— Евреи не работают! Немечкая нация погибает из-за них!

Реплика из зала:

— 120 тысяч евреев убито и изувечено на войне!

— Они по тылам умирали!—кричит оратор.

Повскакали комсомольцы с мест. В протестующем крике смешался гомосекс. В задних рядах, там, где нейтральные горожане, взлобнано кричит человек с подвешенной куцей рукой. Рука говорит о том, что он был на войне.

— Это глупости!—кричит он.—Я не коммунист. Я честный немец! Я утверждаю, что господин на сцене говорит мерзости! Я чистопородный немец! Рядом со мною на фронте убито 12 евреев. В самом Кенигштейне есть пять евреев, изувеченных на войне.

Комсомольцы приветствуют подмогу. Фашистский руководитель, расталивая толпу, торопится к сцене выправить зарывающегося оратора. Тот стоит, коротко отдаваясь на комсомольские выкрики и не видя, как знаками и словами подбодряют его из дальнего угла фашисты-однопартийники. Он стоит злой и растерянный, мотая головой, и кровь волос бьет его по лицу.

Я не забуду этой секунды. Я уроженец страны классических погромщиков—царской России. Страны, которую до сих пор, несмотря на великую революцию, не разучились презирать синисока все эти цивилизованные профессора, лавочники, учителя и механики вот этого железного, асфальтового, могомого, перьяного и крахмального Запада. И вот я вижу, как здесь, на эстраде Бург-отеля, в чудовищной исторической эстафете, российский охотнорядский маск-ик передает ржакане от крови фомку и нож немецкому фашисту.

Утешренная гордость встает во мне за мою страну, где уже 13 лет прожитое только что анализом с трибуны считается величайшей мудростью, гниязю, духовной благодетью, с которой людям дело иметь непотребно.

Митинг прервался. Он превратился в мелкие летучие споры. Человек в коричневых перчатках о чем-то торгуется с предзвудком. Люди за столом ускоренно качают головами. Из-за стола срывается рот-фронтовик и, брезгливо отводя оратора рукою, провозглашает с авансцены:

— Партия национал-социалистов заданы вопросы. Ответа не получено. Выставленный ими оратор неспособен связать двух слов. Мы еще раз вернемся сюда. Пусть они к тому времени выставят кого-нибудь погрознее. С этим—нам говорить нечего. Собрание закрывается.

Собрание закрывается. Троекратный «рот фронт».

Пока снимают стяги со сцены и грудятся к помосту флейтисты, от выходной двери—крик фашистов: «Хейль Гитлер!» (да здравствует Гитлер).

Следующий выкрик: «Иуда, феррекель» (сдыхай, Иуда) зазвонивается в свисте. Флейты освистывают фашистов. Над барабанной дробью пронзительным светом исполняется «Интернациональ».

На улице строится боевой колонной. За свое поражение в зале фашисты несомненно будут жести кулаками. Других аргументов у них нет. Колонна проходит к вокзалу. Хехстовские рабочие садятся на последний поезд, ведущий к ним за 14 километров отсюда.

Крошечная кучка кенигштейновских коммунистов и комсомольцев сквозь ночь несет к себе домой красное знамя. Из четвертого переулка банда фашистов налетает на них, рвет знамя с дерева, притискивает к стене. Палками бьют по зубам, по головам. Торопятся злобно, пока не поднялась тревога. Торопится истинительно, распливаясь монетой побоев за понесенные в Бург-отеле идейные убытки.

Несуществующий нарисованный мир сентиментально висит на средневековом заднике гостиничной залы, сейчас не загорожной революционными плакатами.

Сегодняшняя война пятнает красными лоскутами стяга и шапками крови благопристойнейшие панели благодушнейшего горрода Кенигштейна.

Не мир. Но война.

12/IV 31, берлин

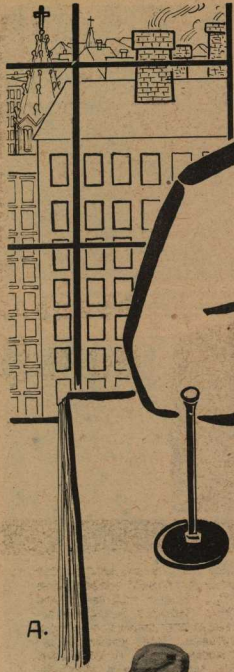
...на плакатах немецких комсомольцев 1 мая были изображены все коммунисты, убитые за год фашистами...

фото с. третьякова

гвотчанин в Берлине

unser kämpflicher gruss den jungleninisten
deutschlands, die die flamme der proleta-
rischen revolution entfassen!

WEIBLICHES BECKEN

A.

§ 218

Диалог Пациентки и Доктора

Слова немецкого поэта Фрихта перевод СЕРГЕЯ ТРЕТЬЯКОВА

— Ах, доктор... Третий месяц...
 — Так-с Будущая мать.
 Что же? Численность населения
 Полезно подымать.
 — Ах, доктор!... без квартиры...
 — Ну, ну! Небось, отыщется иривать.
 И тому же, вид у вас паршивый
 и вообще невредно б поламать.

Нужны люди для промышленности нашей.

Вы станете отличною мамашей, на то вам дана утроба. А впрочем, учоба,— глядели бы в оба.

Закон таков: Рожайте, и без дураков.

— Ах, доктор! Он безработный...
 — Аборт вам произвести,— это значит музей безработных окончательно распухнуть.

— Ах, доктор!...
 — Вот что, сударыня, у каждого работа своя, ГОСУДАРСТВУ ПОТРЕБНЫ ПАРНИ, ЧТОБ У МАШИНЫ СТОЯТЬ.

Нужны люди для промышленности нашей.

Вы станете отличною мамашей, на то вам дана утроба.

А впрочем, учоба,— глядели бы в оба. Закон таков: Рожайте, и без дураков.

— Ах, доктор! А как больница...
 — Тонка. Довольно слезить. Любля, милая, нататься, любите и саночки возить.
 Аборт объявлен под запретом, за это отвечен ны.
 Благоволите кончить, на этом и позволяете нам самим знать, что делать. Да-с!

Нужны люди для промышленности нашей.

Вы станете отличной мамашей, на то вам дана и утроба.

Вперед же, учоба,— глядите в оба. Закон таков: Рожайте, и без дураков.

Фридрих Вольф один из тех фигур сегодняшней Германии, которых должна знать Советская страна.

В берлинском предместьи недавно в театре Пискатора шла премьерой его пьеса «Тани, пробудись!»

Автор «Тани», фр. Вольф,—человек до сих пор неуверенный, что он больше—врач или писатель. Впрочем, в основной его вещи, прозвучавшей как хороший баррикадный бой не только в Германии, но и за ее пределами—«Цанкаль», эти два ремесла оказались слиты в единый неразрывный публицистический удар.

Не думаю, чтобы в кодексах всех республик и империй мира оказалось много параграфов такой печальной известности, как § 218. По подлой популярности с этим параграфом сегодня на земном шаре могут соперничать разве что законы, которыми в Америке вводят дингуемых нергов, да секiry китайских генеральских палачей, рубящих головы коммунистам на улицах.

Этот параграф воспрещает производство абортов. Он преследует врачей не только за совершение абортов, но и за выдачу ложного удостоверения, по которому аборт признается категорически нужным и единственно спасающим жизнь женщины.

Если бы в Германии еще сохранился суд над ведьмами, он вряд ли вызвал бы против себя большую бурю гнева и омерзения, чем § 218.

У § 218 есть не менее гнусный братец, § 184, которым воспрещается всякая, даже врачебная пропаганда противозачаточных средств. В германских кодексах нет параграфов, запрещающих существование специальных магазинов сексуальной литературы, у витрин которых перед порнографическими обложками стнут поблудившие изможденные подростки. В германских кодексах нет статей, борющихся с притонами и варьете, где под видом театральных представлений идет торг женским телом.

Коммунистическая школа в Штутгарте пригласила меня прочитать доклад о колхозах. По городу маршировали фашисты. Комсомольцы, показываясь в наш город, боялись, что полиция в последний момент сорвет доклад.

Я жил в квартире д-ра Вольфа и поражался совершенно бешеной энергии этого человека. Живой и веселый, похожий на мальчишку, несмотря на свои сороч лет, Вольф свой врачебный день распланировал за несколько минут вперед. Главнейшей задачей являлся ему рабочее.

Вольф показывал мне только что прошедший в Париже и запрещенный в Риме и Лондоне свой радиомонтаж «СОС» fo «Красивые и Нобели» и другой—«Рождельдер завоевывает мир». Он говорил об очередном курсе лекций в школе. О постановке на штуртартской сцене его пьесы «Матросы из Каттаро», лучшей, по его мнению, и написанной по материалам офицера, подальше матросских бунтов.

Глядя на Вольфа, мне вспоминается Чехов—тоже врач и писатель в одно время. Но какая разница; как silent в этом бесполом чужом человеке—партизе, бое политический трибуны, массовки!

Первое произведение его было трояком войны и называлось «Это ты».

Война кончилась, пришло время кинематографических сил. Рурыкий округ, бой в Ремшеде. Врач Вольф вел красивые сити против капловских боегвардейцев. Его взяли в плен, посадили в подвал, на утро грозил расстрел. Но он с товарищами почью укривился выжить из подвала, раздобыл оружие и пробраться к своим.

С группой инвадиров войны Вольф на отведенном государством клочке земли пытался создать нечто вроде артели. Он корчевал лес, брал торфяником в болотах. Раньше обрабатывали землю, построили себе дома. Тогда государство отобрало поселок обратно. Колонисты сожгли все, что они выстроили, и сели в тюрьму. Вольф с ними.

Этот эпизод вошел в литературном произведении «Колонна Хунт».

Через три дня после моего отъезда из Штутгарта Вольф был арестован за производство абортов и содействие им.

Фридрих
Вольф

Сейчас в Москве гостит Фридрих Вольф, врач и драматург. Этот человек, совмещающий в себе две «интеллигентские» профессии, не обычный либеральный турист, вроде тех, которых посылает я нам время от времени «просвещенный» Запад. Фридрих Вольф—революционный боец, которому хорошо знакомы все прелести напильничатического строя—до тюрьмы включительно. Через несколько месяцев он должен предстать перед берлинским судом по обвинению в нарушении ханжеского параграфа 218, воспрещающего производство абортов.

От имени десятков тысяч своих читателей «Смена» шлет тов. Фридриху Вольфу боевой комсомольский привет!

Одновременно с Вольфом была арестована и женщина-врач Кинле. Аресты были произведены по доносу врачей социал-демократов, которые утверждали, будто бы Вольф и Кинле занимаются абортами с целью обогащения. В действительности же эти доносчики выполняли классовый заказ тех, кому служит социал-демократия: попов, собственников, буржуазных чиновников. Заказ на ликвидацию коммуниста Вольфа, разъярительная деятельность которого становилась опасной половским гитудистам.

Арест Вольфа совпал с тем временем, когда римский папа издал свою энциклику—злое и подлое циркулярное письмо, начиняющееся словами «Каста коуниты, что значит по-латыни «во имя чистоты брака». Папа обрушивался на право женщины самой распоряжаться своим деторождением, на право работницы делать себе аборт и предохранять себя от беременности.

Советскому человеку трудно себе даже представить, какая могучая сила в Германии католицизм и как тонко работают его агенты—попы и монахи, обратывающие народ не только в церквях, но и в школах, больницах, тюрьмах. Католики имеют собственные профсоюзы, казсы, взаимопомощи, спортивные общества, газеты, своих депутатов в парламенте.

Процесс Вольфа был состряпан не только грязными, но и неумелыми руками.

Из 106 случаев прерванной беременности, в которой штутгартские следователи обвинили женщину-врача Кинле, семеро при ближайшем рассмотрении оказались мужчинами.

Когда Вольф предложил сделать заявление пригласить виднейших врачей Германии, чтобы они определили в качестве экспертов—действительно ли этот женский аборт был необходим, штутгартские чиновники отказали.

Вольфа удалось взять под залог и на поруки на время между концом следствия и началом суда. Следователи отпустили его охотно. Больше того, им выгодно было, чтобы он ушел от суда, ибо суд этот в общественном смысле грозит превратиться из суда над Вольфом в суд над § 218, охраняемым попами и чиновниками.

Д-р Вольф у нас в Москве на короткое время. Он переделывает свое последнее произведение об итальянском фашизме для кино и Мексикагоме. Он делает доклады в медицинских обществах и организациях о своих методах врачевания. Он изучает строительные пятилетки главным образом по линии здравоохранения.

Через месяц он вернется в Германию, чтобы осенью в зале штутгартского суда со сканью обвинением—поднять обвинительное слово из величайшей подлости осознано перед смертью кусающегося капитализма.

Десятки трам-двер работают на крупных фабриках и заводах, создан первый колхозный трам. Трамвая армия в одном только Ленинграде насчитывает свыше 2.000 человек, а по всему Союзу эта цифра возрастает до 7.000.

Эти значительные, назалось бы, цифры явно не отвечают тем возможностям, которые открываются по вовлечению в трамвоное движение широких масс рабочей молодежи фабрик, заводов, колхозов и новостроек. Трамвоное движение, создающее подлинно революционные, политически насыщенные спектакли, должно охватить десятки и сотни тысяч, молодежи.

сцены из пьес трама: «крыша» и «булавная каторга»

больше внимания ТРАМУ

Овладевая привлекательной тематикой, обличая предприятия, колхозы, шахты, дезаготовку, отклоняясь на все общественно-политические задания и призывы, трамы особенно за последний год выжили в свой актив не одну блестящую сцену.

И тем не менее, на ряду с победами и бесспорным ростом, трамвоую движению присущ ряд ошибок и недочетов, на преодоление которых должна быть брошена энергия самих трамвоов, комсомольской общественности, Комкадемии и РАИШа.

Трамы должны обратить серьезнейшее внимание на дальнейшую обработку и уточнение своего творческого метода, на борьбу с буржуазными теориями и влияниями в театре, преодолевая ряд допущенных ими (особенно Ленинградским трамом) ошибок формалистского и мезанистического порядка.

Всемерно борясь за качество драматургического материала, актерского исполнения, за повышение политико-культурного уровня, трамвоы должны вооружаться марксистско-ленинской теорией.

Острый недостаток в трам-руководителях, особенно дающий себя чувствовать в условиях количественного и качественного роста трамвоов и трам-двер, ставит задачу форсированной подготовки их через целую сеть курсов и техникумов при передовых трамвах СССР.

Как ведущий отряд самостоятельного искусства, трамы должны смело переносить практику своей работы в самостоятельное движение, поворяя свой актив наиболее передовыми художественными агитбригадами. В этом плане перед трамом стоит задача разработки новых массовых форм художественной работы не только в ограниченных сценических коробках зданиях, но и на площадях, стадионах и т. д.

Беспощадная самокритика внутри трамвоного движения, развертывание ударничества и соросоревнования между трамами должны стать основными методами в борьбе за качество их продукции и полностью оправдать почетное звание — агитпробригады ленинского комсомола.

МОГИЛЬЩИКИ трама

мих. долгополов.

Значение трамвоного движения признано всей рабочей и комсомольской общественностью. Однако на практике мы сталкиваемся с многочисленными фактами, которые зачастую говорят о недооценке трамом советскими, профсоюзными и даже комсомольскими организациями.

Чем идее, как не политической близорукостью и головоугодством, можно объяснить отказ ряду местных трамвоов в ничтожных дотациях и предоставлении им подчас самых неудобных и непригодных помещений для подготовки к спектаклям, или требование некоторых профсоюзных организаций готовить постановки в... трехдневный срок.

Взять например Орехово-Зуевский трам. Все партийные и общественные организации на словах приветствуют трамвоное движение, выносят резолюции в его пользу.

А на деле два с половиной года Орехово-Зуевский трам перебивается без помещения и без средств, пригнотившись в сырой, подвальной комнате, под сценой рабочего театра. Администрация этого театра во время работы трама над пьесами «Галстуки» — А. Глебова и «Жажду» — А. Горбатова разрешила трамвоым пользоваться сценой чуть ли не в самый день постановок. Ребятам, занятым днем на производстве, приходилось работать в тяжелых условиях по ночам. Результаты такой работы естественно сказывались на качестве спектаклей.

Можно привести и другой пример, когда по постановлению бюро Егорьевского культсовета у трама отбирается комната, предоставляемая ему под репетиции в местном клубе. Из трама переманиваются оркестранты и гармонист, без которых работа коллектива невозможна. Близость товарищеской критики ошибок трама, культсовет развигивает инстинктам к нему со стороны местных драмкружковцев и пьески его траму.

Если также «хорошее» отношение к траму наблюдается под центра — у Москвы, то пропорционально увеличению расстояния от центра оно еще более ухудшается.

Наркомпрос за подписью наркома тов. Бубнова разослал всей наркомпрому союзных республик следующую директиву:

«...Особое внимание уделить трамвоую движению, рассматривая трамы, как одно из наиболее значительных достижений рабочего класса вообще и рабочей молодежи в частности в области искусства».

Датгестанский Наркомпрос (г. Махач-Кала) эту директиву понял довольно своеобразно и... сина датгестанский трам со своего бюджета, предложил ему полностью перейти на бюджет профсоюзов, которые в свою очередь также отказались давать деньги.

Другой национальный трам — бакинский (г. Уфа) также, несмотря на ряд постановлений и нажимов со стороны Башкомпрома ВЛКСМ, находится в чрезвычайно скверном материальном положении, не имея даже собственного постоянного помещения. Трам проводит большую массовую политическую и художественную работу помимо постановок, участвуя в организации различных кампаний, выезжая в совхозы и колхозы, в обходы и т. п. И все же Башкомпропрос и профсоюз организуют свою помощь траму лишь к чему не обременяющим их пышными пристрастиями.

В крупнейшем рабочем центре — Сормове — трам также владит жалкое существование. Сормовский Дворец культуры, в помещении которого он пригнотився, имеет смету в несколько сот тысяч рублей. В ней предусмотрена покупка различных приборов, принадлежностей для лабораторий, оборудования и т. д. — и совершенно забыт трам. Помещение огромного зала администрации Дворца культуры использует ежедневно под киношко, показывая далеко не «перворотные» фильмы, отказываясь предоставить траму зал для показа его работ местным работам.

Можно привести еще ряд примеров такого же плачевного положения трамвоов в Луганске, Петросоводске, в Воронежске и др. городах, переживающих еще и сейчас первый этап трамвоного движения (1927—1928 гг.) — борьбу за признание, за получение всемерных удобств и возможностей для работы.

Позтому в настоящее время, когда большинство трамвоов СССР успешно борется паравне с рабочим классом за вытеснение пятилетки в четыре года, закладывая фундамент социализма, — подобное наплевательское отношение к трамам — ударным бригадам комсомола на фронте искусства — становится нетерпимым.

Об этом еще раз четко и совершенно конкретно надо напомнить всем организациям, не выполняющим директив партии и правительства о всемерной помощи в развитии трамвоного движения.

Г. Лен

бригадир

стши ударника желвадорюжника
АЛЕКСАНДРА БАСОВА

Тшина...

Когда нет инного,
Ночь ползает по носым перулкам,
Вдурь нырнул за ремонтный вагон
Засмальцованный ировельщик Шурка.

Ярноглазый сопит паровоз
Из рассерах, пролаших назутом,
И кулисы громадных колес
Заворачивают круто.

А в цеху уне горло горна
Огневою горит позолотой,
И пестарды граниных гранат
Свинцовым загурдрили потом.

Шурка льет горячий припой
В баббитовое мнестое тество,
Ремлет бодро проворной рукой
Моделю из ировельной мести.

Раскроясь любовные листы,
Чтобы не было щелей в прорезах,—
И горбатые платно ряды
Пришнвались железу и железу.

А потом и квадратную сталь,
Размечая иронцириуден мнесто,
Он по ней чертежи вырубал
На шербатых засаленных досках.

В тшину, когда нет инного,
Спозвала тенью с носых перулкам,
И снабу избрал на вагон
Бригадир засмальцованный Шурка.

Так торопится день на востон,
И навстречу бегут километры,
В восемь гарнул горластый гудон,
Уносимый западным ветром.

Мы по горбиям железных рядов
Снойю новою в воздухе свещем,
И сшиваем извратды листов
На товарных извратных крышах.

И вдвойне совсем по-ниному
Ирыторы крепнут, как плотный баббит.
Подняая железную грому,
Памяя в горнах змеюмо шпит.

Соревнуясь, стучат неустанно
Молоточни на полном бегу.
По-нивному, на конурас,
Удрно низнь иром в пути и в цеху.

В №№ 15 и 16 «Смены» мы рекомендовали ознакомиться с книжкой Д. Бедного «О писательском труде» и с литературно-критическими статьями В. В. Воросского, выпущенными недавно Институтом Ленина. Сегодня мы даем статью о книжке М. Горького «Рабельнорам и военнорам».

Эту книжку, в которой величайший мастер современного пролетарского искусства делится с молодыми писателями своим огромным литературным опытом, должен знать каждый рабочий-литрунивец.

Почему возникает желание писать? Все—без исключения—редакции завалены рукописями начинающих писателей. При заводах, школах, колхозах работают литературные кружки. Существуют литературные вузы—и недостатка в человеческом материале они, как будто, не ощущают. Желание писать, количество людей, пытающихся овладеть оружием художественного слова, резко возросло после революции, потому что только после революции, по выражению Ленина, стало возможным «обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм млял, давил, душил тысячами и миллионами. Откуда же возникает это желание писать?»

В книжке «Рабельнорами и военнорам»—о том, как учился писать, вышедшей еще в 1928 году, М. Горький приводит отрывок из письма пятнадцатилетней девушки, дочери рабочего. «Мне 15 лет,—пишет она,—но в такой ранней молодости во мне появился писательский талант, причиной которого послужила томительно бедная жизнь». «Томительно бедная жизнь»—это что толкает многих и многих к литературе. Желание приукрасить жизнь, обогатить ее красивыми выдумками—один из основных, по Горькому, источников художественного творчества.

Другой корреспондент Горького, молодой рабочий 17 лет, пишет: «У меня так много впечатлений, что не писать я не могу. Здесь желание писать объясняется уже другим—богатством жизни, богатством впечатлений, которые она дает и о которых умолчать ни в коем случае нельзя».

Итак, существуют два источника художественного творчества, и Горький показывает на примере своей собственной писательской работы их значение:

«На вопрос: почему я стал писать?»—отвечал: по силе давления на меня „томительно бедной жизнью“ и потому что у меня было так много впечатлений, что „не писать я не мог“».

Первая причина заставляла меня попытаться внести в „бедную“ жизнь такие мысли, „выдумки“, как „Сказка о соколе и жуе“, „Легенда о зорщике сердца“, „Буревестник“, а по силе второй причины я стал писать рассказы „Легендического“ характера — „Звон колокола“, „Супруги Орловы“, „Озорник“.

И дальше А. М. обращается к корреспонденту всего творчества—к действительности. Ряд великолепных страниц посвящен описанию тех постоянных жутких условий, в которых рос и воспитывался писатель.

Некоторые литературные враги Горького встретили эту книжку А. М. радостным лаем. Они обнаруживали, что в ней неточно приведены названия двух-трех книг, перепутана одна цитата, недавно указана библиография. Действительно, эти несправильности в книжке имеются. Но они просмотрели у Горького самое главное, они не заметили, что в этой книжке Горький знакомит рабелскоков и военнорам со своим изумительно богатым писательским опытом.

Чем ценна для Горького литература? Тем, что она «обладает способностью доказывать мне о человеке то, что я не вижу, не знаю и не подозреваю в Горьком».—Г. И сам Горький все время доказывает своим читателям: вот мешанин, вот человек, солнце которого—медный грош,—смотри на него, изучай его, ненавидь его! Вот проститутка Тереза—она хороший человек, и несправедливо, что она проститутка. Вот Кайм Самгин—это человек, все время вращающийся среди революционной и околовреволюционной публики, но ведь он—брат родной Размыну и Громуку.

«Срывание всех и всяческих масок»—эта особенность беспощадного толстовского реализма, которую отмечал Ленин—основа художественного метода пролетарского писателя Максима Горького. И наличие в творчестве Горького «выдумки, украшающей жизнь», не противоречит, как нам представляется, этой характеристике горьковского реализма. Ибо «буревестник» и «Сокол»—не просто «выдумки». В этих образах найдено свое выражение революционная целесообразность пролетариата царской России.

Горький не укачивает в своей книжке «решеток», не укачивает, как «надо» писать. Он настаивает лишь на точности описаний—чтобы слова дали живую картину, кратко отметили основную черту фигуры, укрепили сразу в памяти читателя движение, лод и тон речи изображаемого лица».

И это правильно. Учиться у Горького—не значит подражать ему. Горький научил свою литературную деятельность в деятельности тогдашнего столетия, в период самой ослепительной, самой мрачной реакции. Молодые писатели рабочего класса, берущие за перо 35 лет спустя, живут и действуют в совсем иному эпоху—в эпоху развернутого социалистического наступления на остатки «томительно бедной» жизни. Вооружимся горьковской ненавистью и горьковской любовью, продолжим горьковскую линию в литературе, чтобы оружием художественного слова до конца уничтожить эту «томительно бедную жизнь»!

**приветствие м. горького
пленуму воапп**

Приветствую товарищей литераторов. В наши дни в нашей стране литераторы должны быть передовым отрядом бойцов за революционную культуру. Литература всегда несколько отставала от жизни, но сейчас в Союзе советом, где жизнь развивается с фантастической быстротой, где творится новая серия историй—рабочим классом—действительность быстро изменяет свое лицо,—у нас процесс отставания литературы от жизни может принять характер пагубный и для литературы в целом ее и для единых—литераторов. Вот что, по-моему, являю, яля, товарищи, нужно понять, чего следует бояться, против чего надобно бороться.

М. Горький

Попытки заставить кинокартину зазвучать предпринимались давно. И, помню, в детстве, глядя на карнавальную картину, я слышал треск автомобиля, шум воды, выстрелы. Воспроизведение этих несложных звуков получалось довольно удачно.

Если происхождение движущейся фотографии было для меня явлением непостижимым, то источник звука я открыл довольно скоро. Я имел счастье втереться в доверие «главного механика», пошел к нему за экран и увидел все то, что оживляло картину звуком.

Делалось это весьма просто. Выстрел изобрался колотушкой, вода—шесткой по наждачной бумаге и т. д.

Это было лет двадцать тому назад. Но в 1930 году в Донбассе, где мы снимали первую в СССР подлинно звуковую картину, наша группа видела арфины, извещающие о показе «настойчивей» звуковой фильма «На талка Поставка».

На этой «технике» кино не останавлилось.

Уже много лет назад немцы показывали фильмы в сопровождении звука, записанного на грамофонной пластинке. Картина демонстрировалась обычным путем, а грамофон устанавливался за экраном. По сигналу пускался в ход проекционный аппарат и одновременно с ним грамофон.

Потом на помощь пришло электричество, получившая возможность звук с грамофонной пластинки усилить и передавать из проекционной будки по проводам на репродукторы. Грамофонный диск увеличил размером, устроил автоматическое переключение с одного диска на другой.

Поворотом в области звукового кино явилось изобретение, давшее возможность записывать звук прямо на киноленту.

Реализовать изобретение взялись американцы. На опыты были брошены огромные деньги, массы специалистов—и кино зазвучало, заговорило.

В Советском союзе оказалось два изобретателя звукового кино. Профессор Шорин и инженер Тагера почти одновременно производили в своих лабораториях исследования и почти одновременно продемонстрировали перед нашей общественностью свои открытия. До сих пор существуют различные мнения относительно качества записи звуков по системе Шорина или Тагера, но на нашем производстве все же на сегодняшний день утвердилось изобретение проф. Шорина. Именно аппаратами его системы располагают в настоящее время наши звуковые фабрики (кроме фабрики «Мехрабон-Фильм»).

Первый изготовленный Шориным аппарат был устроен так, что снимать на нем можно было только в том помещении, где устанавливался аппарат, а перемещать и нем производилось через дырку, проделанную в стенке. За стенкой усаживался оркестр или актер и его снимали через отверстие в стенке.

Именно таким путем были сняты те звуковые короткометражные фильмы, которые демонстрировались в экспериментальном кино-театре в Ленинграде.

На этом же аппарате снимал свою картину «Пятнадцатая», вернее—снимал только звук, режиссер Роом.

В начале 1930 года руководитель группы киноком тов. Дина Вертова приступила к звуковым картинам «Энтузиазм». К началу работ группы Вертова была уже возможность снимать не через стенку, а в непосредственной близости от снимаемого предмета, но выходя из аппарата за пределы помещения, в котором был установлен звукозаписывающий аппарат, все еще нельзя было.

Это, разумеется, мешало работе группы, тем более, что группа Вертова не снимает актеров и не снимает декораций.

Группа должна была пойти на компромисс. На нашумевший кабель, который

Звуковое кино у нас в Советском союзе понамест «предмет расхищения». Через несколько лет звуковое кино проникнет в самые далекие закоулки страны и станет могущественным оружием культурного подвиза масс. Комсомол должен овладеть звуковым кино и поставить его на службу культурной революции.

В помещаемом ниже очерке оператор Борис Цейтлин, снимавший одну из первых советских звуковых фильмов «Энтузиазм», рассказывает о своей работе над этой фильмом, касаясь попутно истории изобретения звукового кино.

Б. Цейтлин

связывал немой аппарат со звукозаписывающим; был удлинен до 100 метров и аппарат был вынесен за пределы помещения, был вынесен на улицу.

В марте 1930 года состоялись впервые в истории нашего союза синхронные съемки (синхронная съемка—это такая съемка, когда звук снимается одновременно с немой изображением).

Результаты получились поразительные. Мнение, что снимать на улице невозможно, было опровергнуто и забыто.

В апреле мы снимали уже документальные звуки в церкви (вошедшие в картину) и сдвинули с мертвой точки вопрос о звуковом передвижном аппарате, с которым предполагалось выехать в Донбасс для документальной звуко съемки. Техническая наша экспедиция в Донбасс была обставлена скверно. Основным недостатком было то, что мы лишены были возможности проявлять и прослушивать свой снятый материал. Приходилось работать вслепую.

Работали мы в невероятно тяжелых условиях. Если вы знаете, что такое горячий цех завода, то вы наверняка сможете себе представить, как трудно отыскать такое место в этом аду, где можно было бы поставить съемочную, звуковую и осветительную аппаратуру так, чтобы ее не слышали, чтобы ее не видели летящие с молниеносной быстротой куски раскаленной стали и железа, чтобы мы не мешали занятым на ответственной и тяжелой работе рабочим и чтобы получилось не просто изображение, а изображение озвученное.

В таком горячем обстановке мы рисковали записать на пленку совсем не то, что нам было нужно.

Однако работу это не останавливало. Мы выучились приспосабливаться. Наш звукорежиссер, работник лаборатории Шорина, тов. Тимирязев, попавший впервые на завод,

чувствовал себя по меньшей мере как на войне. Первое время он шагался в сторону от тролля машины, от грохота приводных ремней. Потом привык.

По ходу картины нам пришлось побыывать и в совхозе (Бирюково). Здесь мы снимали первый выход в поле на уборку урожая. Снимали митинг и подписание договора на социальное. Но основой нашей темой была жизнь Донбасса, брошившего все свои силы на ликвидацию прогнившего

Недавно мне пришлось ехать в одном вагоне с кавалеристами, видевшими картину. Картина произвела на них большое впечатление. Один из них—самый молодой—все допытывался у меня, в самом ли деле так хороша заспанная в фильме девушка, поющая песню. Я подтвердил, что она действительно хороша, что «актриса» у нас она случайная и что живет она в селе Бирюково.

Мне бы хотелось увидеть опять эту девушку, увидеть ее сидящей в кино, смотрящей и слушающей самое себя. Эффект, очевидно, был бы настолько большим, что его стоило бы заснять на пленку.

Но... я сочувствую девушке. Вряд ли скоро она увидит себя на экране.

Пока до деревни дотянется звуковое кино, пройдет много времени. Дело о производственной аппаратуре, особенно со звукопередающими, обстоит весьма плачевно. Если пока не делают. О них много пишут, но и только. Во всем Союзе у нас имеется всего лишь несколько звуковых кино-театров, расположенных в центре столиц, на почетнейшем расстоянии от рабочих районов.

Значает ли появление звуковой кинематографии смерть кинематографии немой?

За рубежом немое кино сейчас возрождается. Не только в Америке, но даже в Германии немое кино уже редкость.

Однако, объясняется это условиями капиталистической конкуренции, условиями

на съемке фильма «Энтузиазм»: рабочий момент

использования звукового кино как орудия наживы.

— За границей звуковая кинематография пошла по пути наименьшего сопротивления. Озвученные оперы, фарсы и оперетты — вот все, что дает за редкими исключениями иностранное звуковое кино.

Мы, в отличие от Запада, никогда не смотрели на кинематографию как на средство выкачивания денег из масс. И немое и звуковое кино для нас — орудия политического воспитания масс.

И пока мы не сумеем полностью звукофинсировать Советский союз, немое кино у нас будет существовать и наши кинофабрики будут снимать и немые фильмы.

Одно время существовало заиспанное к нам из-за границы мнение, что для съемки звуковых фильмов нужны специальные фабрики. Теперь же доказано, что постройки таких фабрик не требуется. Любое ателье, приспособленное для новой съемки, очень легко дооборудовать и превратить в звуковое. Таким образом, одновременно на одной и той же фабрике можно снимать и немые и звуковые фильмы.

«Великий немой» у нас в Союзе начнется уже вполне внятно говорить. Очередная задача — заставить его заговорить во весь глоток.

„еврейская беднота“

а. м.

майкл голд

Майкл Голд — американский коммунист-писатель, критик и публицист, редактор наиболее радикального в Америке ежемесячника «New Masses» («Новые массы»). «Еврейская беднота» его первый роман, построен на автобиографическом материале, в нем даны детство и юность автора, сына бедняка-малара. Но героем произведения по существу является Ист-Сайд, квартал Нью-Йорка — гетто эмигрантской бедноты. Евреи, немцы, поляки, русские, армяне, ирландцы, китайцы, — рабочие потогонных мастерских, мелкие кушары и лавочники — в непосредственном соседстве с ними бандиты, сутенеры, проститутки, среди которых — их дети, братья и сестры.

Ист-Сайд — суровый принят неудачников, бегущих из своих стран от политиче-

ской реакции, погромов или безработицы и мечтающих стать «самостоятельными хозяевами» в «богатой» Америке.

Бытовой материал и типаж романа ярки и разнообразны. Голд дает три поколения ист-сайдской бедноты: отцов, сыновей и внуков, бьющихся в тисках жесточайшей конкуренции и эксплуатации. В основном, внимание автора сосредоточено на еврейской зачужденности, с его обычаями и навыками, культурной отсталостью, суевериями и национальными предрассудками.

Эти люди верят и ждут прихода мессии, они стараются замолить свои грехи перед богом и на последние гроши, отказывая себе во всем, выписывают из Европы «идалька» («святого»). И этот святой, беспощадно эксплуатировавший своих почитателей, покидает их при первой возможности больше заработать в другой синагоге.

Забывая гольфаба не знает социального протеста, ее «крутотор» ограничен завистью и преклонением пред выбившимся из нищеты соседями.

Таковы представители ремесленной мелкой буржуазии, считающие причиной всех своих зол и несчастьев дивное «небезнесьное», «неудачу».

Майкл Голда вместе с его сверстниками воспитывала грязная тесная улица, ничто не скрывавшая от ниметтерных и зорких глаз детворы. Голд хорошо знает судьбу местной молодежи. Часть ее идет по стопам родителей, часть становится бандитами, — своеобразный протест против скотской жизни, на который обрекает их капиталистическое общество. Наиболее запечатлившаяся фигура этого типа — Луи-одноглазый, которого несправедливая тюрьма сделала несправимым бандитом. Его ненавидят жители Ист-Саида, его преследуют полицией, но он добрый сын большой матери и у него есть друзья — голуби на крыше.

Капиталисты используют энергию бандитов превращая их в орудие своей подлой политики, заставляя разбивать забастовки, подтасовывать баллотации в избирательных урнах.

Лучшая же часть молодежи вступает на путь классовый борьбы.

Повестью в мягких и лирических тонах о жизни еврейской ремесленной бедноты, Майкл Голд не отражает ее устремлений, не является ее идеологом. Он перерос свою среду и перешел на позиции пролетариата, поборов в себе люмпен-пролетарские настро-

ения деклассированного мелкого буржуа. В предисловии к книге рассказов «120 миллионов» Голд говорит:

«Нищета — дитя мое с детства, мы не видим никакого выхода, мы отрезаны от всего мира и дуемел к самоуничищению. Наше бытие в эту пору индивидуально и субъективно... Но вот проясняется тумане юности... Тогда узнаешь, что родилась дитяние (миллионы), ноственные целье целью уничтожение бедности».

Приходится пожалеть, что М. Голд не уделал своему романе больше места эмигрантской молодежи, зарывшей бутаретство и индивидуализм, но преодолевшей их в организационных рядах революционного пролетариата.

Нью-Йорк: застывший в камне и стали девятый вал капитализма. Город рекордных чисел!

Тротуары густо заманы зернистой икрой пешеходов. По мостовым—суставчатые сочленения автомобилей — непрерывными (миль на десять) гусеницами: в притык автомобиль к автомобилю.

Пьяный вулкан извергающий рекламную аэстрологию: Бродвей, улица театров и ресторанов. Наманюкренные витрины универмагов: Пятая avenue, улица «последних криков моды». Сплошная стена из жирных глыб золота: Уолл стрит, улица биржевиков и банкиров.

Бывстоличные Америки забралась здесь на многоэтажные ходули: небоскребы в 40, 50, 60—мало этого, еще выше!—80, 100 этажей! В этих небоскребах—десятки тысяч деловых контор,—десятки тысяч трюнных зал, в которых заседает самодержец всеамериканский—его величество Доллар—император акций и облигаций, царь угля и нефти, король железа и стали, великий князь зубной пасты и автомобилей, и прочая, и прочая, и прочая...

К трюнным залам взлетают лифты. В залах — шелкавы многообразные арифмометры, табулаторы, комитометры. В черные воронки телефонов льются струйки слов и цифр. Загорючки стенограмм. Штифтики удерживают. Тире-точки телеграфов. Биржевые аннотации: GM—39 1/4, AFW—55, SBX—24 1/2, ATT—78, GI—49 1/2

Через арифмометры, через аэлогации—через дома, улицы, города, штаты—через весь материк—через квартиры, конторы, универмаги, театры, рестораны, фабрики, заводы фермы — — — зигзагами проходит трещина... Опоязни... Обваляй... Трещина идет вдоль по позвоночнику экономической системы—по стыку производства с потреблением: кризис, безработица, разорение, обнищание, уменьшение покупательной способности населения, не репродуцирует Опоязни. Обваляй. Шурунт песок. Валится камин.

Вдоль улиц—очереди безработных за кофе.

За похлебкой. Около одной из очередей надвигается радиорупор:

«Алло! Алло! Алло! Говорит Центральная нью-йоркская радиостанция. Леги и джентльмены! Разрешите предложить вашему вниманию радиопередачу банкета, устраиваемого торговой палатой Нью-Йорка...»

«Леги и джентльмены! Я поднимаю этот искрящийся шампанским бокал за всеобщее просперити—за процветание и благосостояние всего населения Соединенных Штатов!»

«Браво! Браво!» (Аплодисменты).

— Браво! Браво! Ола райт! Все в порядке! Они там пьют шампанское, а мы стоим здесь в очереди и ждем, когда ханжи из «карины спасения» сядутся над нами и вынесут по миске «благоприятельной» похлебки!

— Будь они прокляты, с их банкетами! У меня от их речей и чавканья еще пище забурлюю в пустом животе.

— Да, да, да! Сядь себе на место! Джэбба!

— У моей дочурки был кролик. Она его очень любила. Третьего дня мы всей семьей съели кролика. Я не думаю, что от такой музыкальней!

— Моя жена при смерти. Нет денег на операцию. Чтобы спасти жизнь, я готов был продать себя с аукциона в пожизненное рабство всего лишь за пятьсот долларов. Никто не захотел купить мою жизнь за эту сумму...»

— Ночью я крадусь домой, как вор: днем я не в силах смотреть в глаза своим годовалым ребятишкам.

— Вот посмотри—пальцы вылезают из сапог.

— А ты покопайся в мусорных кучах, там можно найти старые ботинки получше твоих!

— Когда же все это кончится?! Передавайча трель польнейского свистка.

— Что за гадаже?! Заткните ваши глотки. Серванты! Подвиньте очередь в стружку! Они расплылся во все стороны, как клопы.

алло!

...говорит америка

лео нур

диалог под радиорупором

— Ола райт, капитан!
— Строители! В затылки! Ты чего вылез из шеренги? Стань на место! Живой Ну?! Смотрите-ка! Он еще смеет упираться!
— Угостите этого бована по загривку!

Удар. Выкрик. Протестующий гул колосов.

— Молчать! Здесь вам не митинг!
«Браво! Браво!» (Аплодисменты).
«Я поднимаю мой бокал за Америку—очаг истинной демократии и свободы, страну, которая сплосн веков была приближенцем для всех угнетаемых!»

Африка. Начало 17-го столетия. Плещут волны океана—качают старое судно. На палубе миссионер с библией. В гриме груз невольников-негров, приковаанных один к другому.

«Я пишу за славную историю Соединенных Штатов—этой самой вольнолюбивой из всех республик мира!»

Звенят цепи. Сыщут плечи. Обращенных в рабство негров высаживают на берег «вольнолюбивой» Америки.

Так на хлопковых и табачных плантациях Соединенных Штатов ничем не прикритым принудительным трудом невольников были положены основы американского капиталистического «просперити»—«процветания» и «благосостояния».

Африканские негры были обращены в рабство, а подлинные хозяева страны—американские индейцы—были просто уничтожены—начисто стерты с лица земли великодержавной гегемонией «яди Сама».

— А как эти «джентльмены» презирают доробоченные ими цветные нации. У нас другой цвет кожи,—значит, мы не люди. Нае, негров, презрительно кличут «Джими Кроу»—черная порода. Для нас устроены отдельные вагоны трамваев. «Аристократические» тред-юнионы американской федерации труда не принимают нас в число своих членов. Нам не продают плакат в стальные вагоны, не пускают на общие пляжи, в рестораны, музеи, библиотеки, театры. В довершение всего—не угодно ли такой факт: в одном из городов Юга палач отказался повесить негра владом с белыми! Пришлось соорудить для «Джими Кроу» отдельную виселицу! Мы всю жизнь находимся

под гнетом великодержавного презрения беле «джентльменов». Так и хочется бороться с этой чернухой ког, сорвать ее полосами с ног до головы—вывернуть наизушку и бросить ее в лицо беле «джентльменам»,—пате, проклятые, смотрите: на знанке она такая же красная, как и ваша кожа!

«Леги и джентльмены! Я плюю за дружеское сотрудничество всех наций, населяющих Соединенные Штаты! За тесную семью из 35 народов, объединенных под горделивым знаменем звездным флагом нашей доблестной республики!»

— Под «звездным флагом нашей доблестной республики» рабами являются рабочие всех цветов кожи. Когда черные, желтые и белые рабы становятся не нужны, их выбрасывают на улицу.

— В Советском союзе насин— друзья и сотрудни рабочие. У нас, в Соединенных Штатах, машины отнимают у рабочих право на жизнь.

— Возьмите меня, к примеру. Я двадцать лет был комотором. Вот уже два года я без работы. Комоторы в Соединенных Штатах больше не нужны. Нигде не нужны. Ни на электростанциях, ни на фабриках, ни на заводах, ни на пароходах. Нефть и расплывчатый уголь автоматически загнатоются скитам воздухом по трубам прямо в топки. Цех комоторов больше не существует.

— То же и у нас, выдувальщиков стекла. Один надсмотрщик за машиной занимает 77 выдувальщиков, работавших раньше вручную. Наш профсоюз совсем закрылся: все члены союза без работы—все до одного!

— Союз горняков тоже накануне закрытия. Нет работы. Те шахты, которые ослались нещастными после кризиса, механизированы на сто процентов. Нам, старым горнякам-рудокопам, нечего там делать.

— То же и у нас, литейщиков.

— Реальсы прокатываются автоматическими машинами. Как говорят в рекламках: «Без всякого прикосновения руку».

— А вы думаете, им сейчас нужны руки портняж? Как же! Машины сами шьют и подкаки и брожи. Работает только кое-кто из за—швейков. А мы, обыкновенные портные, можем воткнуть наши иголки себе под ногти!

— Я провалов было толкнулся на земельные работы. Куда там! Машины копают землю, прокладывают дороги. Рабочие не нужны.

— То же и на пристанях. Машины нагружают и разгружают пароходы. Рабочие не нужны.

— Раз, два... кто больше? Раз, два, три!

Золотой молоток Уолд-стрига заводит железные гвозди в деревянный гроб медного фермера.

— Раз, два, три!

— Моя ферма продана с аукциона за долги Уолд-стрига. Нам, медковой сошке, нет никакой возможности конкурировать с крупными земледельцами. У них машины, у нас только руки. Одна за другой фермы идут с молотка. Таких как я—сотни тысяч. Все, что у меня осталось, после аукциона—обшарпанный старый «Форд». Я уехал в него семью и поехал искать счастья в Нью-Йорк. У меня не было денег на газолит. Я стоял у наливных станций и выпрашивал у проезжающих: «Подайте, Христа ради, галлон газолиты». Такими «газолитовыми машинами» кишат все дороги Америки. Ну вот, так попортил все дороги Америка. Ну вот, как попортила целый месяц, я кое-как дошел с семьей до Нью-Йорка и... как видите, стою вместе с вами в очереди за миской «благодетельного» брадлохалства!

— Я поднимую мой задранный бокал за Америку, страну, где каждый может стать миллионером, где каждый своему сыну коучею... Я плюю за позвонок нашей нации—за трудолюбивых фермеров, которые, как ичелки, собирают обычную жатву в свои житницы!»

— Мой отец также фермер. «Пчелка! Но жатву он собирает не в свою житницу. У меня на родине, в штате Южной Каролина, как и на всем юге Америки, негры-земледельцы «сплоски леков» находятся в кабале у плантаторов. Это называется «печовка»—долговое рабство. Все жито, работают на хозяина—и все же остаются у него в долгу. Я не захотел работать на плантациях. Меня объявили бродягой, арестовали и отправили в лагерь. Там я работал, закованный в цепи. Меня кормили подделкой на кукурузе. О! Прокормить мула, а работать он за двоих мулов! Старое рабство приняло новые формы. Но суть дела не изменилась.

— Везде, по всей Америке, одно и то же!

— Некуда идти!

— Некуда податься!

— Тушк.

«Я плюю за шарине в Соединенных Штатах мир и благоволение, за божественную гармонию труда и капитала!»

Мимо очереди пробегает мальчишка-газетчик:

— Газета «Дэйли Воркер!» Последний выпуск! Новая забастовка в штате Пеннсилвания. Лоукат б7 фабрик. Стаальной грест закрывает индустриальные заводы. Убийство баллистами лидеров стачки! Кровопролитное столкновение между забастовщиками и штрейкбрехерами! Разгром ку-клукс-кланом редакции коммунистической газеты!

— «Божественная гармония труда и капитала!»

— Ложь и околывай—никому до этого нет дела!

— Помощи не от кого ждать!

— А наши профсоюзы?

— Жди от козла молока!

— Лидеры желтых проф-юнионов сидят на своих теплых местечках и плюют на нас!

— Им нет дела ни до работающих, ни до безработных.

Мне выступились самым фронтом против капиталистов, лидеры желтых проф-юнионов занимают взаимными склоками и сутяжничеством. Конкуренция между разными проф-юнионами Американской федерации труда доходит до того, что один проф-юнион объявляет забастовку,—не против предпринимателей, а против проф-юниона! Подобный случай был при мне в Сан-Луи, в конце 1929 года. На одной большой постройке работали члены союза каменщиков и члены союза штукатуров. «Лидеры» только то и знали, что втягивали рабочих в споры: кто какую работу должен выполнять. Кончилось тем, что проф-юнион штукатуров забастовал, предъявив требование: снять с работы членов союза каменщиков и поставить на их место членов союза штукатуров!

— Это не единственный случай, товарищи. В Чикаго такая же история вышла между союзами строительных плотников и слесарей. «Лидеры» союзов год таскались по судам, раздорив волею кто до какой работы разрешать зачинать гайки—плотники или слесари. Плотники доказывали, что несоборьбы не скрепятся гвоздями и что плотники имеют право зачинать гайки. Слесари запротестовали: «Это-де наша работа» и объявили забастовку!

— Дальше—итти некуда!

— Позор!

— Вы сами виноваты, товарищи! Вы воочию видите, до каких низин падения дошли лидеры в Американской федерации труда, почему же вы не гоните их вон? Нужно спланировать через головы усталых трудящихся. Нужно аходить в подполье революционные профсоюзы, организуемые компартия Америки.

«Ничего! Кризис и безработица многим протити газ!»

— Число членов революционных союзов растет с каждым днем!

— Помните, как здорово прошла демонстрация безработных в Нью-Йорке под лозунгом компартии «не голодай—борись?»

— «Голодай—борись?»

— И в Филадельфии наши не подкачали!

— Настает время решительных боев! «Алло! Алоо! Говорит радостница штата Южной Каролина!»

— Леги и джентльмены! Выпьем! Искончательная передача! Наш талантливый сотрудник, радиорепортер мистер Фуника, захватил момент личивания негра, занимавшегося преступной пропагандой коммунизма. Микрофон приставлен к губам личивуемого! «Сашуайт! Сашуайт, какие забавные крики издает эта бестия!»

Приглушенные стоны.

Дикий рев:

— Бей его! Поджаривай! Поджогите хвороста в костер!

— Будете вы прокляты!

— Сидит, обжираются на банкетах и наслаждаются по радио воплям истязуемых!

— Куда ты, Том?

Том взбирается на ограду, лезет к громкоговорителю, некто ударит по рупору. Радио смолкает. Рупор падает вниз.

— Серант! Немедленно арестуйте этого бродягу!

— Ода райт, капитан!

— Свински, Возгласы. Топот ног. Удары дубинками. Звон дзыгитого стекла. Протестующие голоса безработных.

— Арестовать его тоже! И этого!

— Да здравствуют советы! Да здрав.

Возглас обрывается. Полнынные зажали рот Тома.

— Всем вы не зажмете рот! Придет наш час! Он приближается... Скоро заговорит другая Америка! Наша—пролетарская—Америка!

Линия безработцы по-американски. Выслала рабочих иностранцев, лишивших работы, за пределы Соединенных Штатов

«С добрым утром!» — приветствует своего испытанного в многочисленных мучениях и пытках читателя издательство «Федерация» в один прекрасный утро 1931 года.

«С добрым утром!» — в этом малюком успокаивающемся приветствии читатель слышит что-то давно знакомое, приятно ласкающее ухо. Читатель протирает глаза и долго пытается вспомнить, где и когда он слышал эти порядком забытые слова.

Да, это, кажется, было еще до революции. Это он слышал в пятнадцать, и двадцать, и даже тридцать лет тому назад...

Более молодой читатель на этот кончат свои рассуждения по поводу анекдотичного заголовка книжки стихов Ивана Прибудного.

— Чего много рассуждать? — говорит он. — Зачем удивляться! Разве я мало видел в этом роде «поэтических» подарков «Федерации»? Разве я, будучи, еще ребенком, не удивлялся в свое время, беря в руки «Синюю юрду» Ерошина, с начала до конца наполненную кулачками откровениями? Совсем недавно, в 1930 году, разве я не возмущался, читая зелененькую книжечку Л. Мелковской с интригующим названием «Рядом с тобой», которую очень близко, совсем «рядом» с ерошинской «Юрдой»?

Это было недавно. А если покопаться в истории «Федерации», то ли можно еще встретить «Черный хлеб» Дружинина, «Откровенная лира» Орешина, «В гостях у журавель Калыковский». И вот на сцене «Федерации» появляется Иван Прибудный. В руках у него книжечка в 82 страницы «С добрым утром».

Кажется, на так уж все это ново, чтобы удивляться. Больше того, после всех пережитых страхов это кажется совсем пустяком. Поумашься, «С добрым утром»!

И вот читатель хладнокровно, совсем спокойно начинает перелистывать страницу за страницей книжечку Ивана Прибудного. Сначала он невольно хихикает, затем, не теряя рюмочки, схибно пощипывая языком, потом щеки его начинают слегка багветать, а скулки нервно подергиваться (он доходит до «стихов о пятилетке»), наконец рюмочек совсем покидает его щеки и он, во избежание нервного припадка, передает «С добрым утром» в руки критика.

У Прибудного нет квартиры. Ему приходится ютиться где попало, скитаться по чужим людям. Это печальное обстоятельство обуславливает скептическое отношение Ивана Прибудного к окружающей действительности. Оно обуславливает его отчужденность от социалистического строительства, его бездельность.

Имею я... только из окна
Видю, будто бы со взгорья,
Как расстел мой стража,
Всюду с трудностями споря.

Автор признается, что не имеет сил «передать эти тысячи симфоний социалистической стройки и завидует тем, кто собрание сочинений передает Госиздату, ядовито прикидывая, что эти сочинения имеют, конечно, и квартиру, и в квартире.

Итак, дайте Ивану Прибудному квартиру! Помылите, какой же уважающий себя советский обыватель станет дозволяющий себе великой социалистической стройки, если у него нет постоянной собственной квартиры с центральным отоплением и теплым ватером!

И как же ему, не имеющему возможности пригласить фининспектора на чашку чая, не спотыкаться по пути к социализму.

Утвердив таковой порядок, если вдруг спотыкается автор широко полагается им на протяжении 82 страниц.

Как преодолевается в его представлении наша современная действительность?

В стихотворении «Товарищ» и в некоторых других он характеризует ее как анду будней, смешивая «бесценное и буйное будущее», то бишь гражданскую войну. Этому типично-обывательскому, мелкобуржуазному представлению о гражданской войне и войне автор отдается верен на протяжении всей книги. Гражданскую войну он воспринимает исключительно как сочетание «топта крыты, агула и грома».

Истинное лицо Прибудного-обывателя как нельзя более ярко обнаруживается в тех

Дайте приблудному удобную! квартиру!

в. волов
и. любович

рис. музырянский.

Иуда идет, зачем живет — не знает и не знает,
Но от зарниц лазоревых до розовых зарниц
Поет и песни слушает, трудится и обещает,
И никогда славить ему за модные сто-
лицы.

Поэт идеализирует эту отсталость, неподвижность, противопоставляя заброшенный городок с «мостами деревянными, высокими, веселыми, каким подобный путь» суровой столице, где поезды «полают, гуга и звенят», идейно смыкается, таким образом, с корифеями кулацкой поэзии — Калыковым, Дружининым, Орешкиным.

Если ко всему уже сказанному прибавить другие «идеи», характеризующие «С добрым утром» Прибудного — уход от актуальных проблем современности в личные переживания, пустота и никчемность тематики, назойливая «лажа» меланхолического счастья и, наконец, пустая словесная эквилибристика, — то перед нами во весь рост встанет яркая фигура возникшего мелкого буржуа.

Вот он стоит перед нами в гордой позе, Иван Прибудный. Он ноет, жауется на оренность жизни сей. Он вспоминает свой «любимый», «зеленый» Каменец-Подольск и, горько рыдая, жауется:

Я так хотел бы вырваться и цветной
Твоей обители,
Я курить здесь, как праздники
Юности родной,
Как без вины, без жалости в пути
Великой обители,
Каким ты, тише, висели над мной.

Но гордость, болезненная гордость мелкого буржуа ни на минуту не покидает Ивана Прибудного. Он пренебрежительно, свысока смотрит на буржуйско-советскую действительность. Он гордо возмущается над ней, воображая себя пупом земли.

...Я не устал от бурь-се,
Пришиблен этим грохотом
И мундана годин.
Я курить здесь, как праздники
Дай жизни твоей будничной,
Как доктор для чехловичей.
И здесь необходим.

Иван Прибудный упорно пытается убедить читателя, что он здесь в столице не отстал дешево «жизнь свою дешую».

Мощная поступь социализма беспощадно давит идеальную мелкого буржуа. Но Прибудному не хочется отгнать себя «дешью», он пытается повернуть колесо истории, выделить «оухоточную» действительность, в нем просыпается болезненная гордость Герасовского. Но если гордость Герасовникова была трагична, то «гордость» Ивана Прибудного выглядит жалкой и беспомощной, как морская курица.

стихотворениях, в которых он касается строчки сегодняшних будней. Вот, например, как воспринимает он великий лави социалистического строительства — пятилетку.

Автор голову склонил
Над линейкой и бумагой,
Ткнул пером во тьму чернил
С древно-рыцарской отвагой.
Думая десять с лишним лет,
Где быть хлебу, где быть лесу,
И придуши напелось,
Зачем-тольную пыську,
Пыську приняв странной и т. д.

Это ли не пародия на нашу пятилетку? План, выработанный и выполненный благодаря невиданному творческому подъему и энтузиазму широких рабочих масс под руководством партии, представляется Прибудному как досужная выдумка какого-то чулка («Думаю, десять с лишним лет»). Вся суть пятилетки сводится автором к распределению хлеба и леса.

Не менее показательно для Прибудного стихотворение «Штурматор». Автор проливает слезы над упавшим во время работы и разбившимся штурматором.

За именем трагедия рублешей
За общанным личичи денею,
Поплакал ты нежною слезой,
Неподвижный личичи не слезой.

Цитата не требует особых комментариев. Автору не приходит в голову, что у рабочего могут быть какие-либо иные стимулы к труду, кроме необходимости покупи на еду.

Жестко обвиненный действительностью (о чем он упоминает почти в каждом стихотворении), Прибудный стремится уйти от нее туда, где ничто бы ему о ней не напоминало. С умилением вспоминает он о далеком и заброшенном Каменец-Подольске, который

скоро начнутся ворошиловские маневры

на снимках — комсомольцы на военной учебе

Шахматная грамота

Для того, чтобы записывать шахматные партии, позиции и т. д., существуют условные обозначения полей шахматной доски и фигур — так называемая «шахматная нотация».

Обозначение каждого поля шахматной доски состоит из латинской буквы и цифры (например: с7, d1, f4, с6, е6). Получается это обозначение так: все вертикальные ряды шахматной доски обозначаются, считая слева от игрока, большими буквами, первыми восемью (по числу рядов) буквами латинского (немецкого) алфавита: а, b, c, d, e, f, g, h. Горизонтальные ряды обозначаются цифрами — от 1 до 8, считая опять-таки от лагеря белых. Каждое поле является как бы точкой пересечения двух рядов — горизонтального и вертикального. По их обозначению оно и получает свое «имя». Так, например, в задаче № 10 белая ладья (в виде башни, крепости) стоит на поле с6 — это поле находится по вертикали в ряду с, а по горизонтали — в шестом ряду (весь счет, как мы уже сказали, идет со стороны белых, которые на диаграммах (рисунках) расположены внизу).

Каждая фигура обозначается при записи первой буквой своего названия (Ферзь — Ф, ладья — Л, слон — С, конь — К). Исключением являются пешка, который обозначается Кр, и король, который никак не обозначается.

Ход, записанный по такой системе, может иметь, например, такой вид: Кg1—f3. Это означает: конь, стоявший на поле g1, пошел на поле f3. Или: e2—с4 (пешка с поля e2 — пошла на поле с4). Можно записывать сокращенно, не указывая, с какого поля пошла фигура.

Теперь еще несколько условных обозначений: — битье, взятие фигуры или пешки.

- + — шах.
- o-o — мат.
- o-o-o — рокировка в длинную сторону.
- o-o — «короткую»
- ? — плохой ход.
- ! — хороший ход.
- ex — безразлично.

Каждый шахматист должен знать шахматную нотацию. Без нее он не сможет разбирать партии, читать шахматную литературу. Для лучшего усвоения предлагаем начинающим описать словами записанные здесь ходы. Желательно убедиться в правильности своих выводов, могут прислать их в редакцию, откуда получат ответ.

Фд1—d4; 0-0; e7—e5; Лс1—с4; 0-0-0; Сс1—a3+; Кd7; Кр: d1; Фf3—f7; Крf2; Кс2; 0-0!

Партия № 8

Ферзевый гамбит

Приводимая ниже партия была сыграна на недавно закончившемся международном турнире в Ницце (I приз в нем завоевал француз Кейли, II—III призы поделила чемпион Италии Росселли и уроженец России, переселившийся в Париж Баран). На фоне затихающей шахматной жизни, являющегося прямым следствием растущего экономического кризиса, этот не блестящий «сеттеми» турнир все же привлек большое внимание.

Белые: С. Росселли. Черные: А. Вайда.

1. d2—d4 Кg8—f6
2. с2—с4 e7—e6
3. Кb1—с3 d7—d5
Кg1—f3 Кf8—d7
6. сf1—e3 c7—c6
6. Cf1—d3 d5—c4

перестановкой ходов получили так называемый «Меранский вариант ферзевого гамбита», сь черным не рекомендовался играть б. С6б за 7. e4 (e4) 8. К: e4 К: e4 9. С: e4 0-0 10. 0-0 11. Ne2 и в белых лучшая игра.

7. Сd3: c4 d7—b5
8. Сс4—d3

Хуже отступать на e2 или b3. На первом отступлении 8. a6: g1 0-0 b3 а2 e5 11. de К: с5 12. b4; теперь черные меняются ферзями, получая хорошую игру. На отступлении слона на b3 черные тоже отвечают a7—a6, опять-таки уравнивая игру.

8. a7—a6
11. c5
10. e4—e5 c5: d4

К ЗАДАЧАМ 9—12. Серия новых сегодняшних задач открывается прекрасной двухзвездочной красноречивая Воробьева. Автор ее, как и автор задачи № 12, уже неоднократно выступал в шахматной прессе, имеет ряд отличий от конкурентов. Следующая задача, содержащая два варианта в шахматном и один с перекрестием, является одним из первых шагов начинания составителям, «восхищения» шахматного отдела «Ленинградской правды». Деятели автор задачи № 11, в законченной форме представляющей два развязываемых конца, мы до сих пор в шахматной печати не встречаем.

Задача № 9

Н. Воробьев (Москва).
(Печатается впервые).

Мат в 2 хода. 2+11=13

Задача № 10

Н. Житомирский (Гомель).
(Печатается впервые).

Мат в 2 хода. 7+6=13

Задача № 11

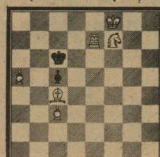
П. Кузнецов (Москва).
(Печатается впервые).

Мат в 2 хода. 8+6=11

Задача № 12

Г. Н. Каауэри (Ленинград).
(Печатается впервые).

Мат в 3 хода. 6+2=8

11. Кс3: b5
Ход, впервые примененный советским мастером Елениным-Вельдом.

11. Кd7: e5
Самое лучшее. К плохой игре для черных ведет 11. ab 12. e4 и т. д.; ничего хорошего, как уже показал опыт, не дает им и 11. Кf4 из-за 12. Фa4—Фb6 13. b3.
12. Кf3: e5 a6: b5
13. 0-0

До сих пор считалось, что в этой позиции сильнее 13. С: b5+. Венгеру Вайда в этой партии хочет доказать приемлемость рокировки.

13. Фd8—d5
Лучше было бы 13. Са6 и уже после 14. Фf3 играть Фd5.
14. Фd1—e2 Лa8—b8
15. Сс1—e5 Cf8—e6
16. f2—f4 Cl6: e7

Слабость этого хода немедленно и убедительно доказывают белым.

17. f4: e5 Кf6—d7
Конь, встав на d7, очень стесняет своего короля. Но ведь ему больше почти некуда было идти.

18. Лf1: g7 Крeб: f7
Что же оставалось делать?

19. Фe2—h5+ g7—g6
Белые форсированно добиваются выигрыша при 19. Кpg8. На это следует: 20. Лf1 g6 21. С: g6 с выигрышем. Но лучше, разумеется, 20. Фe2+ Кf8 21. Лf1, так как на это черные отвечают 21. Фe2+ 1 22. Кр: g2 Сb7+, отыгрывая ферзя.

20. Лa1—f1+ Кd7—b6 (!)
Лучшего не видно. На 20. Крeб6 белым мат в 2 хода (21. С: g6+ hg, 22. Ф: g6X).
или мат в 3. Крe7 посылает 21. Фd6+ с дальнейшим С: e6, а на 20. Крd6 сразу следует С: g6.

21. Лf1: g6+

После этого, сводящая на нет все достигнутое белыми энергичной игрой в первом лагере ходов. Следовательно: 21. С: g6+hg (самое лучшее) 22. Л: f6+ Кr7 (опять-таки наилучший ответ. На 22. Кrе7 белые отвечают 23. Ф: h8, ибо 23. Ф: g2+24. Кр: g2 сb7+ им не страшно—25. Лf3+1). 23. Ф: h8+, Крf7. 24. Лf7+, Крe6. 25. Фe8+, Крe6. 26. Сb8+ Крa6 (на Крb6 последует 27. Лc7+, Крb5. 28. Фe7+, Крa5 29. Лa7X) 27. Фe7! и выигрышок. Но всего этого белым не заметил.

21. Крf7—e8
22. Сd3: g6 Крe8—d7
23. Сd6—b3 Крf7—b6
24. Лf6—f4 Сс8—d7
25. Сg6—e7

Слон хочет укрепиться в неприятельском лагере (на e8 или b5). Но и это намерение не вознаграждает белым столь опроченно утерянному преимуществу.

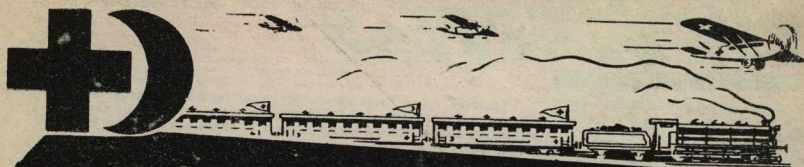
25. Лb8—c8
26. b2—b4 Кр7—b5
27. Се7—e5 Лc8: c5!

Черные энергично ликвидировав остатки надежды белых, без сильного периплового слона белые уже почти совсем не имеют шансов погнать атаку.

28. b4: e5+ Фd5: c5
29. Фh5—e2 Сd7—e6
30. h2—h3 Лb8—g8
31. g2—g4

Согласимся на ничью.

ПОПРАВКА. На диаграммах задач Вайдына в Улицке (Синев 28 14) верделась ошибка. В третьей из них пропущены черные слон на h в белая ладья на e6; во второй следует игнорировать белого слона e1. Срок прислаивать решений этих задач — 13 июля.

ЗНАЙ УЧТИ ПОМНИ

ЧТО ЧТО ЧТО

союзом О-в Красного Креста и Красного Полумесяца СССР проводится

первая

всесоюзная лотерея

на сумму 10.000.000 руб. в 8 разрядах. Тиражи всех 8 разрядов будут произведены в IV квартале 1931 года в городах:

- Ленинград, Минск, Свердловск, Ростов и/Д, Москва, Харьков, Ташкент, Бану.

в лотерею разыгрывается большое количество ценных предметов на общую сумму 1.500.000 рублей. ==

в списке выигрышей

- 8 квартирных паев,
- 8 автомобилей,
- 20 мотоциклов, паяно, роялей,
- 100 велосипедов,
- 600 мест в санатор. и домах отдыха,
- 1000 швейных машин,
- 28100 предметов широкого потребления,
- 30000 предм. санитар. и гигиены,
- Библиотеки, соч. Лесина,
- Граммфоны, радиоресепинки,
- Племен. лошади, коровы, гармони, гитары, охотнич. ружья и т.д.

всего

115.000
выигрышей.

весь доход от Всесоюзной Лотереи Союза О-в Красного Креста и Красного Полумесяца пойдет на приобретение и оборудование сан-поездов, сан-автомобилей, сан-аэропланов, сан-пароходов, больницы, амбулаторий, яслей, бань и др. медико-санитарных и технических оборудований

и ЧТО

100%-ая реализация лотбилетов будет наилучшим ответом всем вредителям и интервентам.

И ПОЭТОМУ

покупай и распространяй билеты первой Всесоюзной лотереи Союза О-в Красного Креста и Красного Полумесяца. Продажа билетов во всех организациях Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, в учреждениях Наркомздрава, Военсанупра, Гострудсберкассах и др.

Цена билета 50 коп.

Комсомолец и пионер, мобилизуй свою активность на реализацию лотереи Красного Креста и Красного Полумесяца.

Председателю правления Трактороцентра тов. МАРКЕВИЧУ

Всем машино-тракторным станциям

Братский привет рабочим и работницам, техникам и специалистам и всему руководящему составу машино-тракторных станций по случаю досрочного выполнения посевного плана в 18 миллионов гектаров. С ПОБЕДОЙ, ТОВАРИЩИ!

В прошлом году было засеяно машино-тракторными станциями около 2 млн гектаров колхозных полей. В этом году — свыше 18 млн. гектаров. В прошлом году машино-тракторные станции обслужили 2.347 колхозов. В этом году — 46.514 колхозов. Таков путь — от сохи к трактору, — пройденный крестьянским хозяйством нашей страны. Пусть знают все, что рабочий класс Советского союза твердо и уверенно ведет вперед дело технического перевооружения своего союзника, трудового крестьянства!

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ, что машино-тракторные станции не остановятся на достигнутых результатах и заданный (уже выполненный) план в 18 млн. гектаров посева расширят в порядке встречного плана до 20 млн. гектаров.

Будем надеяться, что машино-тракторные станции не остановятся на этом и уверенно пойдут вавстречу и своим новым очередным задачам с тем, чтобы подготовить ПАР в миллионах 5 гектаров, с успехом провести УБОРОЧНУЮ кампанию, поднять ЗЯБЬ в миллионах 15 гектаров, довести ОЗИМЬЕ посевы до 8 млн. гектаров, организовать НОВУЮ ТЫСЯЧУ машино-тракторных станций и создать, таким образом, почву для охвата в будущем году подавляющего большинства колхозов. Пусть знают все, что Советский союз из страны мелнокрестьянского хозяйства и отсталой земледельческой техники превращается в страну крупного коллентивного хозяйства и передовой земледельческой техники!

ВПЕРЕД, товарищи, к НОВЫМ ПОБЕДАМ!

И. Сталин

